

Трилогия
в одном
томе

Григорий Шаргородский

Заблудшая душа

Москва, 2019

Григорий Шаргородский

- Переселенец •
- Диверсант •
- Демонолог •

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Ш25

Серия основана в 2005 году
Выпуск 169

Рисунок на переплете
В. Аникина, М. Поповского

Иллюстрации
В. Аникина, М. Поповского, С. А. Григорьева

Шаргородский Г. К.

Ш25 Заблудшая душа: Переселенец; Диверсант; Демонолог. —
М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019. — 809 с.: ил.

ISBN 978-5-9922-2861-8

Легко и просто жить, когда безопасное, цивилизованное общество с детства ведет тебя по жизни буквально за руку. И лишь оказавшись в жестких цепях чужой воли, понимаешь всю ценность свободы. Запертая в магическом камне душа обычного землянина была вынуждена не только покинуть родной мир, но и пройти через вереницу чужих тел, чтобы накопить достаточно решительности и силы воли для побега. Отчаяние и замешенная на звериной ярости надежда изменят все, и коварные кукловоды вздрогнут от одной мысли о том, что может натворить заблудшая душа, разорвавшая управляющие нити.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-2861-8

© Шаргородский Г. К., 2019
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019

• Переселенец •

ПРОЛОГ

Удивительно мягкий, какой-то золотистый мрак рассеивал лишь слабый свет двух спиртовых ламп. И все же эти робкие огоньки заставляли стены подвала буквально сверкать.

Но ни свет ламп, ни даже необычный цвет стен не интересовали распятого на деревянном щите человека. Его сейчас вообще мало что волновало, кроме боли. Кряжистый моряк оказался на удивление изобретательным малым, и все же Гатара Скользкого было трудно поразить подобными «изысками».

— Ну как, не появилось желание говорить? — с кривой ухмылкой осведомился палач и практически без паузы трижды ударил пленника в живот.

Боль вспыхнула подобно огненному ядру и расплескалась по всему телу мошеника, достигая головы и кончиков пальцев. Болевой порог был пройден уже давно, но Гатара сдерживала отнюдь не гордость, а страх — страх перед тем, кто намного изобретательнее и жестче палача-самоучки: перед Кривым Оклом.

Мучения пленника были неожиданно прерваны появлением нового персонажа этой трагической сцены. Дверь тихонько скрипнула, и в нее вошел седовласый мужчина в дорогом, черном с серебряными узорами камзоле. Сквозь муть в глазах Гатар все же сумел узнать ненавистного всем преступникам города графа Гвиери.

— Ну и как у нас дела? — осведомился граф, подходя ближе.

— Молчит, скотина, — сплевывая на пол, ответил невысокий, почти квадратный мужчина, выполнявший роль палача.

Впрочем, это занятие явно не было его основной профессией. Длинный, до середины бедра серый камзол без рукавов с узким стоячим воротником, короткие мягкие сапожки и конечно же пышные бакенбарды выдавали в нем кронайского моряка, который вряд ли опозорит род дельфина грязным занятием. Но у графа Гвиери и дворяне будут чистить конюшни, считая, что занимаются достойным делом.

— Плохо, очень плохо, — устало вздохнул граф, подходя вплотную к распятому пленнику. — Может, передумаешь? То, что тебя ждет дальше, намного хуже самой сильной боли и даже смерти.

В ответ мошенник хотел плюнуть в лицо графу, но догадливый кронаец резко ударил его в живот, и Гатар подавился собственным плевром.

— Ну что ж, придется пойти на крайние меры. — Граф еще раз вздохнул, и понятливый Карн тут же поставил позади него маленькую табуретку.

Гвиери грузно сел на жалобно скрипнувший предмет мебели. Когда-то граф мог похвастаться могучим телосложением и незаурядной ловкостью, но, увы, годы не пощадили бывшего победителя рыцарских турниров и любимца женщин. Его тело хотя и не заплыло жиром, но уже не обладало ни стройностью, ни силой. А почти вторые сутки без сна окончательно утомили уже далеко не молодого графа.

Непонятные события в городе накатывали, словно горная лавина, а он до сих пор не мог понять, что именно происходит. Станным образом в этих событиях были завязаны и верхи, и низы общества. Столица княжества гудела в предчувствии неких перемен, а интуиция старого воина вопила об опасности. Но если на поле боя, почувствовав неладное, ему достаточно было оглянуться вокруг, чтобы найти источник опасности, то здесь приходилось прикладывать титанические усилия, дабы уловить хоть тень угрозы.

Даже поимка Гатара Скользяго, которого осведомители называли важной фигурой в бродящем котле запутанной интриги, закончилась полным провалом — Гатар молчал.

Упрямство мошенника и острая нехватка времени подталкивали графа к использованию крайнего средства — магии. Граф не разбирался в магическом искусстве, так же как и большинство его современников: люди вынесли из своего темного прошлого страх перед магией, и теперь она была под строжайшим запретом. Но ситуация становилась безвыходной, к тому же у графа имелся подходящий специалист, и он все же решил рискнуть.

Профессор Урген, которого граф поймал на скупке запрещенных артефактов, но не послал на костер, а приберег для себя, предлагал невиданную вещь — поселить в теле человека какой-то потусторонний дух, привязывая его к так называемому «камню душ».

Это давало несколько плюсов: духу некуда деваться из тела, кроме как обратно в камень, поэтому вызванной из темного мира сущности придется выполнять приказы. К тому же новому «жильцу» доставалось не только тело, но и память носителя, что позволит узнать, что же на самом деле происходит в городе.

И все же риск замараться грязью древней магии и никогда не отмыться от нее был чрезвычайно велик. И только где-то в глубине души он понимал, что поступает так не от безвыходности, а желая испытать запрещенное оружие в деле.

Граф устало растер ладонями лицо и решительно встал. «Выбора нет, и промедление смерти подобно».

Княгиня Лара, которая всегда очень внимательно относилась к советам старого друга ее отца, вдруг как-то охладела к Гвиери. А на последнем Большом Совете барон Немеш смотрел на графа с таким выражением на лице, словно точно знал день и час его смерти. «Он смотрел даже без ненависти, а с брезгливой жалостью!»

Сомнения графа были прерваны появлением красавицы Яны и плюгавенького профессора.

— Ваша, милость, я доставила этот диковинный гриб, как приказывали, — озорно улыбаясь, отрапортовала истинная дочь степей. Невысокая и смуглая, как все хтары, Яна обладала стройным телом и весьма соблазнительными формами, при этом была опасна как камышовая кошка и настолько же игрива.

Девушка не удержалась от очередного озорства — тесно прижалась своим изрядным, прикрытым лишь тонкой блузкой бюстом к спине профессора, а затем подтолкнула его в сторону графа. Как результат — пожилой ученый залился краской смущения и смог прийти в себя лишь через пару минут.

— Профессор, соберитесь, у нас мало времени, — устало сказал ученому граф и недовольно посмотрел на Яну.

Девушка потупила взор и даже слегка присела в книксене. Но граф был уверен, что под полуприкрытыми веками с длинными ресницами пляшут чертенята.

— Профессор!

— А? Что? — постарался собраться Урген, но наткнулся взглядом на распятого мошенника и опять впал в ступор, но в этот раз побледнев. Профессор, одетый в немного мешковатую «скуху» — просторный балахон с капюшоном, традиционный наряд как ученых, так и священников, — подслеповато сощурившись, смотрел на пленника. Его и без того бледное лицо стало похоже на желтую бумагу древних манускриптов, а длинный нос еще больше заострился.

Дело решил Карн. Он подошел вплотную и тихо произнес:

— Проф, если ты сейчас же не начнешь работать, то займешь его место.

Слова крепыша возымели моментальное действие, и Урген встрепенулся. Затем его мысли явно приняли научный характер, и до этого момента растерянный и испуганный человек преобразился.

Он резким движением пригладил длинные, немного слипшиеся от пота черные волосы, быстро присел на корточки и начал доставать из своей сумки баночки, иглы и другую малопонятную мелочь. Когда в руках профессора появилась угольная палочка, он встал, осмотрел золотисто-белый с красными разводами пол и решительно отодвинул Карна в сторону.

Кронаец хотел было возмутиться, но промолчал, увидев, как ученый сновистыми движениями начал вычерчивать на полу сложную пентаграмму.

Глава 1 МОШЕННИК

Тоненькие дощечки уже давно не пахли свежим деревом, хуже того — они издавали «непередаваемые» ароматы то ли сгнивших овощей, то ли какой-то рыбы. Впрочем, в этот момент меня волновали совсем не странные запахи, а тихие шаги за горой пустых ящиков. Казалось, сердце стучит намного громче этих шагов, и его было отчетливо слышно всем преследователям.

— Эй, падаль, вылазь! Все равно найдем! — прокаркал хриплый голос за ящиками.

Страх стал еще сильнее. Трясащиеся руки судорожно сжимали скользкую от пота рукоять пистолета, названия которого я так и не вспомнил.

Вы когда-нибудь мечтали оказаться в роли крутого британского супергеронта? Я, честно говоря, не помню. Но при просмотре бесконечной шпионской киносаги подобные мысли наверняка проскальзывали. И вот сбылась мечта идиота! Но я-то мечтал о шикарном отелех и красивых женщинах, и в мечтах точно не было мрачного склада и старого пистолета в дрожащих руках.

Даже не знаю, заряжен ли он!

Любой «смотритель» боевиков и «игратель» в компьютерные стрелялки облил бы меня презрением за подобные мысли и поведение. Но не думаю, что подобный критик смог бы сохранить свой энтузиазм, оказавшись на моем месте.

Вся эта история отдавала бредом с самого начала. Мой старый друг и коллега еще по работе в торговой фирме, точно так же, как и я, оказавшийся за бортом по причине кризиса, предложил подработать грузчиками на каком-то складе. Стыдно, конечно, но иного выхода не было. Сам виноват — в молодости я не влезал в бандитские разборки, а в зрелом возрасте не занимался рискованным бизнесом, почему-то решив, что профессия честного менеджера сможет гарантировать безбедную жизнь и обеспеченную старость. Вот только желание сыто есть и спокойно работать в эпоху кризиса и совершенно обалдевших от безнаказанности работодателей должно сопровождаться профессиональными навыками в целовании одного места у «барина». Увы, тут сказалось мое «неправильное» воспитание — ну не нравится мне этот процесс! Как результат — увольнение и шанс поработать грузчиком.

В принципе я никогда не считал физический труд презренным и был готов вкалывать в поте лица, да только склад мы выбрали не тот.

На десятом ящике сильный, но слегка рассеянный Мишаня умудрился зацепиться ногой за какой-то кабель. Тело прошедшего ВДВ еще нестарого мужчины сумело избежать падения, чего не скажешь о ящике. Фанерная конструкция рухнула углом на бетонный пол и мо-

ментально развалилась, причем так «удачно», что припрятанные между мягкими игрушками солидные пакеты с чем-то белым разлетелись в разные стороны.

И хозяин склада, и крепкие ребята, приехавшие за товаром на вместительной «газели», напряженно застыли. Этого мгновения мне хватило лишь на понимание того, что в пакетах далеко не стиральный порошок, и на судорожный вздох. А вот Мишаня, которого в офисе все считали тугодумом, успел прокачать ситуацию и ударом локтя вырубить стоявшего рядом с ним здоровяка в кожаной куртке. К этому моменту наркоторговец успел достать из-за спины пистолет, который Мишаня лихо перехватил. Затем он цапнул меня за шиворот и потащил в глубь склада.

Вот кому нужно было мечтать о подвигах суперагента! Я был восхищен до глубины души и благодарен судьбе за то, что мне так повезло с напарником. Но, увы, везения хватило только на меня одного — сзади раздался сухой щелчок выстрела, и Мишаня, словно споткнувшись, рухнул на пол.

Может, мне и стыдно за страх и неуклюжесть, но, когда было нужно, я умел поступать правильно. Животный ужас и жуткая истерика все же не заставили меня побежать дальше в одиночку. Ухватив тяжеленного Мишаню за безвольную руку, я затащил его в боковой проход. К сожалению, все мои старания и героизм оказались бессмысленны — Мишаня был мертв.

Все, на что меня хватило, — это забрать из судорожно сжатых пальцев товарища пистолет, которым я, несмотря на лихое прохождение всевозможных игр и службы в армии, совершенно не умел пользоваться.

Узкий коридор заканчивался большим, но абсолютно глухим складом с высокими штабелями пустых ящиков, за которыми я и укрывал свое трясущееся тельце. А через несколько секунд в помещении появился преследователь.

— Выходи!

Жить хотелось невероятно, и даже появлялось желание добровольно сдать бандитам, пообещав им полное молчание, в призрачной надежде на помилование. Вопреки всем протестам логики, тело как-то само собой начало подниматься с бетонного пола. Под подошвой потрепанной жалкой имитацией спортивных занятий кроссовки противно скрипнула бетонная крошка. И тут же между стенами склада заметался оглушительный звук, в котором я узнал грохот автоматной очереди с легким оттенком треска пробиваемых пулями деревянных планочек. А через мгновение мое сознание ухнуло в бездонную пропасть.

Вам никогда не снилось, будто вы плывете в темной воде, когда не только тело, но и душа рвется вверх, к воздуху и свету, а по спине бежит мороз от предчувствия того, что сейчас кто-то ухватит за ноги

и потащит на глубину? Нет? Значит, повезло. Мое пребывание во мраке было именно таким, и хуже всего то, что за ноги все-таки ухватили и потащили...

Свет больно ударил по глазам, и лишь через несколько мучительных секунд я понял, что он был не таким уж ярким. Над головой низко навис белый потолок, а боль во всем теле подтвердила, что я все еще живой.

Неужели мне удалось спастись и это больница?

Увы, реальность тут же развеяла все надежды — четыре крепких руки подхватили меня под мышки и поставили вертикально. Боль во всем теле на минуту затуманила взгляд, но затем все же отпустила, позволяя рассмотреть помещение, а также всех, кто в нем находился.

В действительности стены были не совсем белыми, а скорее светло-золотистыми, причем казалось, что комната вырублена в сплошном камне, с виду напоминавшем пирит. Свет похожих на керосиновые ламп играл на поблескивающих крошечными кристалликами стенах. Но в данный момент мне было не до местных красот. Два очень опасного вида мужика в совершенно диких нарядах довольно грубо прислонили меня к какому-то щиту, буквально распиная на деревянной конструкции с помощью ремней.

Да уж, это точно не приемный покой неотложки.

Тюремщики хоть и были одинаково грубы, но внешне являлись совершенной противоположностью друг другу. Кряжистый кронайский моряк с обветренным лицом, коротким ежиком на голове и шикарными бакенбардами резко контрастировал рядом с совершенно лысым мужиком, отмеченным татуировкой имперского центуриона на виске и правой скуле. Среднего роста мускулистый центурион был одет в кожаную безрукавку, с трудом сходящуюся на мощной груди.

Стоп! Какой кронайский моряк? Какой центурион? Где я?! Кто я?!!

А вот последний вопрос, как ни странно, оказался самым насущным. Память тут же услужливо выдала информацию, что я — Гатар Скользкий, не так давно прибившийся к сатарскому воровскому обществу, имею честь принадлежать к благородной братии мошенников. И это при том, что я прекрасно помню — по паспорту значусь как Иван Александрович Боев, прописанный в городе Таганроге на улице Энгельса. Помню все: школу, институт, «залет» в армию и ту проклятую работу в представительстве большой иностранной фирмы. Но как только задумываюсь о чем-то из окружающей реальности, чужая память затягивает в омут воспоминаний Гатара Скользкого.

И что бы это значило?

Опустив взгляд вниз, я понял, что, как говорил мой дядя: «Таки да, это не мое». Я никогда не обладал столь волосатой грудью, да и

похожая на кимоно рубаха в сочетании с кожаными штанами и короткими сапожками — явно не мой фасон. Уверен, что и с лицом те же проблемы.

Скорее всего, сбылась еще одна мечта идиота. Прочитанные мной десятки книг с историями про попаданцев не могли не вызвать некоторых фантазий.

Лучше бы я фантазировал о Леночке — секретарше бывшего босса!

Из глубин самокопания с оттенком жалости к себе несчастному меня вырвала звонкая пощечина от коротышки-кронайца. Хорошо хоть это сделал не центурион — если бы «прилетело» лопатообразной ладонью качка, сотрясение мозга было бы наилучшим исходом.

Впрочем, хватило и того, что есть: похоже, таким оригинальным образом морячок пытался привлечь мое внимание к еще одному персонажу в подвале, а именно — к импозантного вида седовласому дядьке в шикарном черном камзоле. Эдакий испанский гранд с зачесанными назад волосами и бородкой клинышком. Взгляд сам собой прикипел к изящной вязи серебряной вышивки на камзоле, но еще один «гостинец» от моряка заставил всмотреться в лицо местного начальства. И что самое странное, я его узнал. Точнее, не я, а Гатар Скользкий — вот же дал бог имечко! И не просто узнал, а жутко испугался. Как оказалось, судьба предоставила залетному попаданцу сомнительную радость встретиться с самим графом Гвиери, которого еще называли Кровавым Моржом — советником княгини и начальником службы безопасности княжества Сатар.

Граф подошел на шаг ближе, повторяя свой вопрос, и я его понял!!! Хотя язык, на котором говорил этот колоритный персонаж, точно не был русским. Граф поинтересовался, все ли мне слышно и понятно.

— Да, слышу, — поспешил я заверить его в своей внимательности, потому что видел желание морячка еще раз приложиться к моему лицу.

Моему ли? Впрочем, задаваться подобными вопросами было преждевременно, конечно, если не стремиться к тому, чтобы выпасть из этого тела сразу же после попадания.

— Готов ли ты ответить на мои вопросы, джинн?

Джинн? Даже так?! Бли-и-ин!!!

— Готов, — тут же согласился я, не вступая в эзотерические дискуссии, потому что проклятый коротышка вновь зашевелился. От шока я даже не заметил, что говорю не на родном языке.

— Твое последнее дело?

— Мое? — довольно справедливо удивился я.

Коротышка вновь дернулся, но был остановлен графом.

— Не бей его по лицу, — заботливо высказался он и заново озвучил вопрос: — Последнее дело Гатара Скользкого? Вспоминай, джинн, ты должен это знать.

И ведь действительно знал!

— Договориться о продаже какой-то штуки под названием «бутон пламени», — буквально само собой вылетело у меня изо рта.

Внезапно плюгавый мужичок в какой-то рясе с капюшоном тонко вскрикнул.

— Что случилось, профессор? — тут же повернулся к нему граф.

— «Бутон пламени» — это мощнейший артефакт. Он может взорвать небольшой дом, — громким шепотом, который слышали все присутствующие, сообщил мужичок.

— Не вижу ничего ужасного, — пожал плечами граф.

— Но, если соединить его с «лепестком магмы», погибнет половина города.

— Проклятье, — скрежетнул зубами граф и вновь уставился мне в глаза. — Кто продавец?

Я задумался, и, как оказалось, напрасно — в голове было совершенно пусто. Молчание было воспринято неадекватно, и кронаец впечатал кулак в мой многострадальный живот. Мысли опять вылетели из головы, но зато там появился ответ — Кривой Окл! Я даже не успел удивиться и подумать, кто этот Окл, как память тут же выдала такой поток информации, что мозг буквально взорвался болью.

Не было никаких картинок и вспышек с образами, как в кино с воспоминаниями героев, я просто вспомнил, что Кривой Окл, которого еще называют Жирным, был местным паханом — очень хитрой и жестокой скотиной. Еще вспомнил, что я, точнее Гатар, попал в «нежные» ручки графа именно по вине Окла. Впрочем, если быть совсем уж честным, мошенник сам виноват — нечего было связываться с этим боровом и принимать у расфуфыренного дворянчика, больше похожего на бабу, заказ на посредничество в покупке какой-то магической штуки.

Говорила же мне мама не связываться с демонской грязью.

Стоп, какая мама?

Как — какая? Сакла Номо...

Еще раз стоп! Нужно как-то бороться с лишней информацией и раздвоением личности, если не хочу залететь в местную психушку.

Очередной удар и вспышка боли напомнили мне, что сейчас не вечер воспоминаний.

— Кто продавец? — прорычал граф, раздосадованный тем, что пришлось повторять вопрос.

— Кривой Окл, — максимально быстро ответил я.

— Проклятье, — начал повторяться граф. — Заказчик?

— Какой-то дворянчик, зовут виконт Вляю.

— Ты шутишь! Этот уродец?! — искренне удивился граф. — Кто за ним стоит?

— Не знаю! — От попытки найти ответ, которого, похоже, не существует, головная боль стала невыносимой и легко перекрыла боль от побоев.

— Карн, — скомандовал граф.

— Ваша милость, — неожиданно вмешался мужик в балахоне, которого Гвиери называл профессором. — Ему незачем врать, людские дела джину неинтересны.

— Хорошо, — неожиданно быстро согласился граф. — Сделка по продаже артефакта завершилась?

— Нет, — прохрипел я, уже не обращаясь к чужой памяти, все и так было ясно.

— Артефакт у Окла?

— Да. Он ждет Гатара с предложением заказчика.

— Хорошо, проведешь нас к Оклу. — Похоже, граф был абсолютно уверен в моем согласии, поэтому сразу обратился к ученому: — Профессор, вы уверены, что мы не потеряем связь с ним на расстоянии?

— Абсолютно, — убежденно ответил тот.

Только сейчас, внимательнее посмотрев на местного деятеля науки, я заметил и странную пентаграмму, начерченную на золотистом полу чем-то черным, и странный камень в руках профессора. Камень пульсировал в ритме, который подозрительно напоминал биение сердца. И камень, и профессор мне очень не понравились, а когда я прислушался к трепыханию собственной сердечной мышцы и сравнил его с ритмом в камне, происходящее не понравилось мне еще больше.

— Теперь этот джинн связан с «камнем душ» прочной нитью, и я всегда могу ее увидеть, — продолжал вещать носатый ученый.

— Хорошенько объясните нашему новому другу его обязанности и то, чем грозит попытка неповиновения, — строго кивнул седовласый граф и решительно вышел из подвала.

В дверях его пропустила миловидная малышка. Очень миловидная — смуглая кожа, черные волосы, невысокий рост и тонкая талия при солидном бюсте. Ладная фигурка была очень грамотно упакована в тесные кожаные бриджи и свободную рубаху а-ля мушкетеры. Широкий пояс и высокие сапоги довершали образ сорвиголовы и сообразительницы.

Намерения морячка я буквально почувствовал ноющим от боли животом, поэтому оторвал взгляд от девушки и с повышенным вниманием уставился на профессора.

— Слушай меня внимательно, джинн, — наклонившись вперед, медленно произнес профессор. — Теперь ты — раб этого камня. И если покинешь дарованное тебе тело, то вновь попадешь сюда. — Для убедительности он поднес пульсирующий красным светом кристалл

прямо к моему лицу и ткнул в него пальцем. Говорил он едва ли не по слогам, словно общался с маленьким ребенком.

— Говорите нормально, я не debil... — Уже договаривая фразу, я понял, что произнес ее на русском языке. Языкового барьера, как такового, не было. Если не особо обращать внимание на фонетику, то даже казалось, что окружающие говорят по-русски. Но как только появилась необходимость сказать что-то в ответ, пришлось напрягаться, чтобы правильно использовать слова имперского языка.

— Что? — тут же подтвердил мои опасения профессор.

— Я говорю, что все хорошо понимаю.

— Какой сообразительный джинн.

Ага, опять джинн и как там... «раб камня». Лиха беда начало. А кристалл — это что-то типа лампы? Похоже, сказка про Аладдина — не такая уж сказка.

— Очень интересно, интеллект джиннов выше того, что описывали... — Профессор начал что-то бормотать, но в этом подвальчике было кому последнее за регламентом. Обладатель шикарных бакенбард толкнул увлекшегося ученого под локоток, и тот моментально оживился. — Ах да. Так вот, душу этого тела мы заперли рунным заклинанием, запечатанным на коже татуировками. Действие заклинания продержится около трех часов. Так что вам необходимо поторапливаться. Не бойтесь умереть. После смерти этого тела ваша душа вернется в камень. Но если вы не умрете в течение трех часов, душа настоящего хозяина тела вырвется из магических пут и уничтожит вашу душу полностью.

Да уж, перспективка. Обычным попаданством здесь и близко не пахнет. Похоже, меня собираются использовать как раба — водителя нужных графу тел. В общем, невесело.

Но, как ни странно, страха не было. То ли события не оставляли времени на рефлексирование, то ли я еще не окончательно поверил в реальность происходящего. К тому же было дико интересно. Поэтому я решил, что терять, кроме чужой жизни, мне нечего, и занялся уточнением нюансов.

— А если мне не захочется выполнять приказы?

Квадратный морячок сразу напрягся и шагнул вперед с явным намерением объяснить, насколько я не прав, но профессор остановил его решительным жестом.

— А вот этого искренне не советую. В кристалл вы все равно вернетесь, и поверьте, там вам не понравится. Так что любой новый выход в мир будет казаться праздником. А ежели будете совсем бесполезны, то останетесь в «камне душ» навсегда.

После осознания моей «сообразительности» профессор перешел на «вы» и нормальный тон, но что-то в его поведении настораживало, он был похож... Точно — на теоретика!

— Вы в этом уверены? — поспешил я высказать свои сомнения.

— Ну... — тут же скис ученый и начал мямлить: — По описаниям Краста Нехрерима в его «Душевном покое» и пояснениям в трудах...

Подобная постановка вопроса не устроила не только меня, но и морячка. Он решительно отодвинул профессора в сторону и взял меня за глотку. Дышать сразу стало намного труднее.

— Слушай, шнырь, у меня появилась мысль потратить один час из отпущенных на твою жалкую жизнь, чтобы поиграть в интересную игру под названием «Я, раскаленный прут железа и мой новый друг».

— Я все понял, — удалось мне выдать через пережатое горло.

— Вот и хорошо, — тут же покладисто согласился моряк. — Я знал, что ты умный парень. Лован, отвязываем его, до утра осталось мало времени.

Молчаливый центурион не мудрствуя лукаво отодрал мои конечности от щита прямо с ремнями. И лишь после этого я понял, что все происходящее — не сон: пришла настоящая БОЛЬ.

— Твою ж мать! — застонал я, добавляя несколько более емких слов. Морячок аж заслушался. Он, конечно, не понимал смысла, но инстинктивно чувствовал красоту слога русского матерного.

К боли в животе и нескольких неприятных ранах на груди добавилась резь в затекших руках и ногах, так что странное жжение от татуировок на общем фоне даже не замечалось.

Согнувшись от боли, я сполз на пол, уже ожидая, что коротышка начнет пинать меня ногами, но он лишь отошел к двери. А ко мне подошел центурион. Он достал из поясной сумочки небольшую склянку, распахнул на мне похожую на короткое кимоно рубаху и начал быстро смазывать мои раны и синяки какой-то вонючей дрянью. Затем насильно влил в глотку мерзкую жидкость из тонкой колбы.

Через минуту я заметил, что боль проходит. Лован, закончив с медицинскими манипуляциями, спрятал склянки и демонстративно ударил друг о друга браслетами на руках. Звук получился удивительно чистым и звонким. Моряк повернулся на звук и, призывно махнув рукой, первым вышел из подвала.

Эта пантомима ни о чем мне не говорила, кроме того что Лован оказался немым. Вряд ли в имперском легионе держали людей с врожденным пороком, так что его немота являлась либо следствием несчастного случая, либо применения чьих-то «очумелых» ручек. В общем, подумать было о чем как в отношении судьбы центуриона, так и своей собственной.

Узкий сводчатый коридор вел из подвала вверх, и мы друг за дружкой поднимались по вырубленным прямо в искрящейся скале ступеням.

Интересно, такой цвет стен является особенностью конкретно этих подземелий или дальше будет так же?

Будет, уверенно подсказала чужая память, сообщая, что свое имя город получил неспроста.

Память памятью, но к зрелищу Золотого Города под лучами полной и до одурения большой луны я был откровенно не готов. Задняя часть трехэтажного здания выходила прямо к парапету небольшой террасы, с которой открывался шикарный вид на город.

Можно помнить все то восхищение золотом стен, на которое была способна отнюдь не самая поэтичная душа продажного мошенника, но видеть самому залитое молочным светом густое и очень живописное скопление домиков было настоящим потрясением. Город играл всеми оттенками золота — от белого до червонного.

Все казалось нереальным, игрушечным и словно нарисованным. Я невольно замер, пожирая глазами всю эту красоту. Похоже, центурион, несмотря на имперские корни, тоже был влюблен в этот город. Он не стал подгалкивать мою застывшую тушку, а остановился рядом и посмотрел вниз так, словно нежно поглаживал взглядом крыши домов.

А вот квадратный морячок не был настолько сентиментальным.

— Ну, че встали? У нас много дел.

— Зря ты так, Карн, пусть посмотрит. Может, это в первый и последний раз, — материализовалась из золотистого мрака смуглая красавица.

Вот уж спасибо за сочувствие и пожелания. А морячка, значит, зовут Карн. Интересное дело. Если память мошенника мне не изменяет, то на Кронайских островах имена, начинающиеся с буквы «К», получали только отпрыски островных царей. Хорошенькую компанию собрал граф: имперский центурион, островной принц... А смуглянка — что: дочь хтарского хана?

Для того чтобы не болтаться как марионетка на веревочках, необходимо срочно раздобыть необходимую информацию. Вообще-то информации было навалом — только подумай, и тут же в мозгу всплывает целый ворох, но как найти нужные сведения в том бедламе, который царит в мозгу Гатара?

Стоп. Мне ли, дитяти компьютерного века и интернета, искать способы копания в мусорной куче всевозможных сведений. Но как использовать для памяти систему работы интернет-поисковика?

Все эти мысли метались в голове, пока мы огибали угол здания, построенного из таких же искрящихся светлым золотом блоков, как и весь город. Выложенная чуть желтоватой плиткой тропинка вела в довольно обширный сад, в котором кроме деревьев я обнаружил довольно странную компанию — два десятка одетых в разномастные наряды людей. Память мошенника тут же опознала традиционную одежду сатарских мещан, кронайских поморов и даже несколько имперских купцов.

Все чего-то ждали. Примечательно, что, когда наша милая компания подошла ближе, народ демонстративно отошел подальше.

Ага, вот как здесь все устроено!

Оглянувшись, я посмотрел на сопровождавшую меня троицу уже другими глазами. Похоже, ребята были либо очень надежными, либо смертниками — другим приказали держаться от меня подальше во избежание утечки информации.

Пока возникла пауза, я решил поковыряться в выданной мне во временное пользование памяти, только аккуратно, потому что слишком большие объемы воспоминаний вызывали жуткую головную боль.

Я присел на садовую скамейку и приготовился думать — вот уж не ожидал, что когда-нибудь буду относиться к этому процессу с такой осторожностью.

Итак, сейчас я нахожусь не на Земле — по крайней мере, об этом говорит незнакомый рисунок звезд и ненормально большая луна без всяких «рисунков». Информация, конечно, ценная, но в данный момент бесполезная. Важнее было точное место моего пребывания — княжество Сатар, которым правит какая-то там княгиня. Пришлому мошеннику светская жизнь княжества была малоинтересна, поэтому ни имени, ни описания внешности местной правительницы его память не содержала.

Так, теперь насчет самого княжества. В памяти тут же услужливо всплыл очередной ворох информации, и я постарался осторожно выдернуть из него нити нужных знаний. Ощущения были такими, словно пытаешься вспомнить математическое уравнение, рассказанное учительницей в старших классах школы. Если это было давно, то всплывет только уравнение, без малейшего понимания того, как оно попало в голову. А вот если нужна информация, которую тебе сообщила, скажем, миленькая секретарша шефа всего два дня назад, то не факт, что среди впечатлений от форм и томного тона девушки можно будет разобрать хоть что-то из того, что она говорила.

Размещенный в голове мошенника ворох информации о княжестве состоял из огромного количества рассказов, слухов и побасенок, при этом самые свежие несли с собой и все то, что Гатар помнил о рассказчиках. А это плохо — голова вновь начала болеть.

Так, а если попробовать смотреть на все это поверхностно, без особых копаний, так, как смотрим на краткую информацию по ссылке, не открывая их? О, получилось!

Княжество основали бывшие пираты. Правит им княгиня, а в советниках у нее озверевший от безнаказанности Кровавый Морж, который, несмотря на нелегальный статус своего «КГБ», давит воров, как кот мышей. В общем, дядька более чем серьезный, и шутить с ним себе дороже. Информации, конечно, маловато, но спасибо Гатару и на том — хоть не попал в этот мир как кур в ощи́п. Сам удивляюсь, что

подобное «переселение» не вызвало у меня паники, затяжной истерики и ступора. С другой стороны, это я был здесь новичком, а Гатар, чья память сейчас у нас одна на двоих, являлся уроженцем этого мира.

Кстати, а где сейчас сам хозяин данного тела?

Лучше бы я об этом не задумывался. В голову словно ударило молотом. Неожиданно окружающий мир поплыл, и я почувствовал, как где-то там, в глубине мозга, рвется скованная цепями рунного заклятия душа мошенника. Брызгая ненавистью и бешенством, Гатар пытался вцепиться в мою заледеневшую от страха сущность и растерзать, разбросав обрывки по всей вселенной. Казалось, это вот-вот случится, но тут меня накрыло темным одеялом беспомощности.

В реальность я вынырнул как из холодной воды, при этом ощущая какой-то мерзкий запах. Вся собравшаяся в саду братия смотрела на сомлевшего новичка, а прямо надо мной склонился профессор с какой-то баночкой в руках. Судя по запаху и действиям ученого — в баночке находился местный аналог нашатыря.

— Что это было? — с трудом прохрипел я, стараясь вновь не потерять сознания от жуткой головной боли.

— Если я не ошибаюсь, атака хозяина этого тела. Не знаю, что вы там делали, но не повторяйте этого снова, — лекторским тоном, но почему-то шепотом сообщил профессор, пряча жутко воняющую баночку обратно в сумку. В облике ученого произошла некоторая перемена в виде нового аксессуара — когда он наклонился, из-за ворота похожего на монашескую рясу одеяния свесился тот самый пульсирующий кристалл, но теперь уже в сочетании с оправой и довольно толстой цепочкой.

— А без этого никак нельзя? — спросил я, с трудом принимая положение сидя. Хорошо хоть во время приступа я не стоял: каменная плитка на дорожке — не самое мягкое место для падения.

— В принципе можно, если нанести еще по одному уровню рун. Возможно, атаки будут не такими сильными, но все равно они будут.

— Но вы говорили, что узы...

— Узы действуют, — перебил меня профессор. Когда шел научный диспут, он забывал о своей вечной растерянности. — Если бы их силы иссякли, плененная душа разорвала бы вас в единый миг, а так вы можете бороться. По крайней мере, именно это сказано в трактате...

— Все, хватит лекций, начинаем работать, — прервал профессора появившийся из предрассветного тумана граф.

Кстати, рассвет был уже недалек — утренняя дымка заволакивала сад и все окрестные строения. При этом луна не успела уйти за горизонт, но уже серьезно потускнела. Выглядело это еще более потрескающе. — А ты, джинн, радуйся, что тебя вытащили в мир хоть на эти несколько часов.

— Какой на хрен джинн! — «Общение» с бывшим хозяином тела, головная боль и страх окончательно убедили меня, что все это не сон

или бред. Поэтому хотелось получить объяснения прямо здесь и сейчас. Я вскочил и решительно шагнул к графу. — Я — человек, а вы вырвали меня из моего...

Договорить свою пламенную речь не удалось — кто-то положил ладонь мне на затылок. Пальцы что-то там сжали, и голосовые связки отказались выполнять свои функции. Воздух через горло выходил, но при попытке говорить получалось только какое-то сипение.

— Слушай сюда, «не джинн». Мне плевать, кто ты там есть на самом деле. Или ты ведешь нас к Оклу, или я делаю тебе очень больно, а потом ты все равно ведешь нас к Оклу, — зашипел мне в лицо Карн.

Значит, манипуляции с моей шеей проводил Лован, так как ладонь находилась на прежнем месте. Граф в это время говорил что-то одному из переодетых агентов. Моя персона, а тем более возмущенные речи его не интересовали ни в малейшей степени.

Выразительный взгляд коротышки говорил, что он ждет ответа, поэтому пришлось прошипеть нечто положительное.

— Ну вот и молодец. Но, если еще раз надумаешь орать то, чего не следует, либо я, либо Лован попросту прирежем тебя как бешеную собаку. Кстати, если это посчастливится сделать мне, будет очень больно.

Пока у нас проходили эти тихие разборки, народ пришел в движение. «Мещане» и «торговцы» по одному покинули сад и растворились в тумане.

Извилистые улочки города, чем-то напоминающего колониальное поселение испанского стиля, конечно, если выкрасить дома в золотистый цвет, вели нашу разросшуюся за счет переодетых агентов компанию куда-то ближе к морю.

Когда мы обогнули садовую стену дворца, я вновь едва не задохнулся от восхищения. Бледная луна за спиной освещала убегающие к морю желтоватые крыши домов и золотые нити улочек. А дальний лунный свет играл сверкающими серебряными каплями на волнах темного моря. И все это было окутано легкой дымкой предрассветного тумана.

С ума сойти! Никогда не замечал за собой такого эстетизма, но раньше я никогда и не видел подобной красоты. Влажные ароматы моря и каких-то цветов довершали картину ночного рая, и мне безумно захотелось увидеть Сатар днем. Как жаль, что на жизнь, притом украденную у другого человека, мне отведено всего несколько часов.

Идущие впереди «мещане» начали скапливаться на одном из перекрестков. Остановились и мы.

Пока стояли на месте, я с удовольствием наслаждался окрестными видами. Но тут опять вмешался злобный коротышка. Оказываясь, все ждали именно меня.

— Э, шнырь, о чем мечтаем! Куда дальше?

Очень интересно, можно подумать, я знал куда. Впрочем, знал. Ослабление контроля над памятью стоило мне еще одного приступа

боли и «прилетевшего» пакета совершенно ненужной информации: дорога к кабаку «Безногий осьминог», к лавке старьевщика, баловавшегося скучкой краденого, и даже к борделю Пышки Лалы.

Так, пора сосредоточиться, или у Карна окончательно лопнет терпение. Куда же мошенник собирался идти сегодня ночью? Точно — в гости к Оклу. Дворянчик назвал свою цену, кстати, очень неплохую — тысяча золотых импералов, — и эту информацию нужно было донести до Кривого. Маршрут тут же сложился в голове.

— Мне туда, — ткнул я пальцем в сторону одной из улочек перекрестка и тут же остановил шагнувшего вперед моряка. — Не торопись, морячок, я сказал, что туда нужно идти мне, а не нам. Вы остаетесь здесь.

Карн проворчал что-то на кронайском, которого Гатар, а соответственно и я не знали, а затем посмотрел на Лована. Лысый легионер утвердительно кивнул.

Оп-па... А центурион, оказывается, не так уж прост, и в этой команде он явно главный, как минимум в отсутствие графа. Морячок же выполняет функции кулака и, когда нужно, языка командира.

Осмотревшись вокруг, я с внутренней улыбкой увидел полтора десятка «гуляющих горожан». И это перед рассветом, когда даже самые отчаянные гуляки давно расползлись по домам!

Да уж веселуха. Граф Гвиери, конечно, крут и ужасен, а его служба вообще нечто кошмарное, но это действительно цирк.

Не знаю, что на меня подействовало — отчаянность ситуации или внутренний протест, — но нерешительность куда-то ушла, и мозг четко начал прорабатывать необходимые действия для выполнения поставленной задачи. Как бы то ни было, другого выхода не оставалось — как-то не хотелось проверять, какие именно кошмары ждут меня в случае неповиновения. С другой стороны, задерживаться в теле Гатара было боязно, особенно после его «душевной» атаки.

В густой тени с изрядной примесью тумана я заметил нескладную фигуру ученого.

— Профессор, вы не могли бы подойти?

На мою просьбу отреагировали сразу и Урген, и Карн. Морячок угрожающе набычился, и тут же на его плечо легла рука более сообразительного Лована. Но намек я понял.

Услышав фактически приказ, профессор подбежал к нашей компании мелкой рысью.

— Слушаю вас, — тихо отозвался ученый.

— Пара вопросов, профессор. Если меня убьют, я окажусь в этом камне? — таким же шепотом спросил я, тыкая пальцем в грудь ученого.

— Да.

— А если не убьют, то через пару часов хозяин тела сожрет мою душу и вернет тело себе?

— Не совсем так: вы оба потеряете свои души. Это тело умрет в любом случае.

— Каково расстояние, на котором вы сможете следить за мной с помощью камня?

— Не уверен...

— Двести—триста шагов?

— Гарантированно, — обрадовался сообразительности собеседника профессор.

— Ну, тогда я пошел. До встречи, краб, — уже громче сказал я, не удержавшись от довольно опасной шалости. Впереди ждала почти стопроцентная смерть, а выходки моряка, действительно похожего на краба, откровенно достали.

Весь комизм ситуации был в том, что крабами на Кронайских островах называли пьяных вдрызг или совсем уж неуклюжих людей. Гатар не был знатоком островного этноса, но эту особенность знал достоверно.

Карн хотел двинуть мне в морду, но вновь был остановлен центурионом. Глаза кронайца при этом обещали мне много интересного в будущем.

Что-то я расхрабрился. Интересно, с чего бы? Либо еще не до конца поверил в реальность происходящего, либо действовала химия этого тела — Гатар был довольно отчаянным парнем.

Оставив компанию позади, я прошелся по Коралловой улице и нырнул в улочку под веселым названием Три Висельника. По городским легендам, здесь когда-то совершили массовый и «добровольный» суицид три вора, про штрафившихся перед своими коллегами.

Так, что мне нужно предпринять, чтобы не запороть задание графа в самом начале? Внутренне я уже решил сделать все, чтобы достать Кривого Окла. Во-первых, я не в том положении, чтобы капризничать, во-вторых — те, против кого играет граф, ищут магическую бомбу явно не для подрыва местной тюрьмы. Так что займемся шпионскими играми и спасением чужого мира.

Блин, действительно сбывлась мечта идиота!

Что мы имеем на данный момент? Окл — очень хитрый и осторожный гад. Расположения места, в котором он обитает, не знают даже ближайшие соратники, тем более такие чужаки, как Гатар. После беседы с таинственным дворянином я должен был встретиться с человеком Окла в конторке Юрга Менялы, но это еще не значит, что переговоры пройдут именно там. К тому же окрестности дома Юрга, а возможно, и весь припортовый квартал, наверняка пасли шестерки Кривого. Может, нашу веселую компанию уже срисовали и теперь меня ждет развлечение в виде пера в бочину или «бычьего языка».

Постепенно мои мысли начали окрашиваться откровенно бандитскими оттенками — похоже, сказывалась натура Гатара.

Только резких изменений в характере мне и не хватало! Кстати, «бычий язык» — это то же, что и «колумбийский галстук», в общем, приятного мало.

Продолжая ковыряться в одолженной вместе с мозгом памяти, я дошел до перекрестка улицы Капитанов и улицы Роз, на которой и проживал Юрг. Сам припортовый квартал богатством не блистал, но дома все равно играли золотом. Даже покореженная дверь лавки менялы была сделана из белого, довольно дефицитного дерева — что поделаешь, традиция.

Постучать я не успел: разошедшаяся дверь резко открылась, и в проеме появилась перепуганная физиономия Юрга.

— Гатар, каракатица тебя задри, где ты ходишь? Парни Окла уже начали тянуть из меня жилы.

— Спокойно, Юрг. На тот свет всегда успеем, — небрежно отмахнулся я, и тут же по вытянутой физиономии Юрга понял, что переигрываю. Память услужливо, но не очень оперативно подсказала, что с черным юмором у местных бандитов плохо из-за предрассудков. — Все нормально, пришлось задержаться. Где мои провожатые?

Господи! Вот это рожи! Посланцы Окла были похожи на помесь горилл и гризли. Волосы у обоих начинали расти еще от бровей. А челюсти можно было хоть сейчас использовать в качестве камнеробилок. И эти «веселые ребята» явно были чем-то расстроены.

— Так, парни, спокойно, — решил я провести превентивные меры. — Если вы меня сейчас прибьете, что вам на это скажет Окл?

— Я только разок двину, — промычал один из горилломедведей.

— Ты сначала посмотри на свой кулак, а потом на мою голову. После твоего «двину» разговаривать с боссом будет уже некому, — ухмыльнулся я в лицо громиле, наблюдая за движением его мысли от маленького лба к затылку.

Блин, как же весело ничего не бояться! Говорят, что надежда — это хорошо. Вот только желание верить в то, что безнадежная ситуация не совсем безнадежна и еще можно все исправить, рождает страх, а эта гадость похуже любой отравы — она способна превратить человека в скулящее животное. А вот когда надежды нет — все просто и понятно. Все равно умирать, так чего же бояться? Сколько там осталось — час или уже меньше? Неожиданно я вспомнил свое поведение на том злополучном складе, и мне стало невыносимо мерзко.

Медлительная мысль в голове мордоворота наконец-то доползла до финиша.

— Пошли давай, — прогундел он, явно недовольный сделанными выводами.

Я уже хотел направиться на выход, но Юрг зачем-то сдвинул в сторону стол. А дальше было еще интересней — под столом в каменном полу явно прорисовывался люк.

Вот идиот! Не мог включить мозги? Вырубленный в скале подвал под резиденцией графа, сплошь золотистые стены домов, сложенные из камня той же породы. И я — «великий мудрец», который не раз гостил у дяди в Одессе, — не подумал о катакомбах. Да, это уже клиника.

— Прыгай, — вновь удивил обширностью своего лексикона мордорот.

Пришлось прыгать. Интуиция меня не подвела — это действительно были катакомбы. Урген со своим камешком будет искать меня очень долго.

С виду катакомбы ничем особым не отличались от тех, что я видел в детстве, — конечно, если не учитывать разницы между песчаником и этим совершенно невообразимым искрящимся камнем. А так то же самое: однообразные квадратные тоннели — и мы, три «спелеолога», бродящие по запутанным выработкам в неверном свете двух ламп. Надеюсь, они хорошо знают дорогу, а то, чтобы избежать близкого знакомства с очень злой после заточения душой Гатара, мне придется разбивать свою голову об эти чудесные стены. А это наверняка больно. Был, конечно, вариант с оскорблениями в адрес одного из провожатых, но думаю, что в этом случае будет еще больше.

Путешествие особо не затянулось, но компании графа пользы от того было мало: пропетляли мы изрядно. Неприятно сузившийся штрек вывел нашу троицу в большую, метров сто в поперечнике, пещеру, причем она не была похожа на обычную строительную вырубку — кто-то явно постарался, украшая этот зал.

На стенах извивались линии непонятного смысла фрески, а посреди зала возвышался небольшой бортик бассейна. То, что это не бассейн, стало понятно, когда мы подошли ближе. Конструкция оказалась «калачом» широкого, метра три, и наверняка очень глубокого колодца. Невольный взгляд вниз ничего интересного, кроме мягкого мрака, не выявил. Я вообще заметил, что даже темнота в этом городе необычная — какая-то бархатная.

— Там очень глубоко, так что лететь долго, — раздался за спиной трубный голос, едва не заставивший меня подпрыгнуть от неожиданности. Для верности шагнув назад, я увидел у противоположного входа в пещеру Кривого Окла собственной персоной. Да уж, он действительно был и кривой, и жирный. Как вообще эта туша могла передвигаться на своих двоих?

— Никогда не мечтал летать, даже в детстве, — заверил я одноглазого толстяка, стараясь говорить максимально спокойно, насколько это было возможно в моем положении.

Окл подошел ближе, двигаясь как перекормленная утка, а серозеленые шторы, которые он, по-видимому, считал одеждой, колыхались в такт шагам. Человек десять его охраны тут же грамотно рассредоточились по пещере.

— А вот я мечтал, — очень даже умильно вздохнул глава местных воров и убийц.

— Кто бы сомневался, — не удалось мне удержаться от шпильки.

— Что ты сказал? — Внезапно свинья превратилась в очень опасного кабана.

— Ничего, Окл, давай займемся делом, а то мне что-то не нравятся ваши достопримечательности, — постарался я замять неосторожную фразу, при этом контролируя себя, чтобы не добавить, что от Окла и десятка его бандитов я тоже не в восторге.

— Хорошо, деловой ты наш. Что можешь мне сказать?

— Тысяча золотых, — не стал я тянуть kota за хвост.

Окл моментально разразился хриплым хохотом.

Это сколько же должна стоить магическая игрушка, что такая баснословная для местных жителей сумма вызвала пренебрежительный смех?

— Виконт, видимо, пошутил, — отсмеявшись, смахнул Окл набежавшие слезы.

— Знаешь, Кривой, меня как-то мало волнует вся эта дребедень. Говори, сколько хочешь, и разбежимся.

— Десять.

— Не уверен, что виконт согласится.

— Мне все равно — или десять, или артефакта он не получит, так и передай.

— Хорошо-хорошо, — постарался я успокоить бандита, честно говоря, не зная, что теперь делать. Моя силовая поддержка где-то гуляла, а Окл сейчас уйдет. — Я передам, но хотелось бы видеть товар.

Окл некоторое время сверлил меня взглядом единственного глаза, а затем все же достал из складок своей бесформенной драпировки нечто, похожее на половинку яйца.

— Доволен?

— Вполне.

А что еще я мог сказать?

— Тогда свободен. Передай виконту, что торговаться я не буду.

— Окл...

— Я сказал: свободен, — жестко повторил бандит, и два моих звероподобных сопровождающих шагнули ближе, а между ними — вот неприятность — появился еще один колоритный персонаж.

С мелким вором по кличке Крыса я, точнее Гатар, познакомился неделю назад. Пара неосторожных фраз, сказанных в вонючей таверне, — и Гатар разбил костяшки, а Крыса получил симпатичный двусторонний синяк под оба глаза. Синяк почти сошел, а вот обида у крысеньша явно осталась.

— Ты что, глухой? Хозяин сказал — свободен, — съязвил Крыса, доставая из-за пояса шило. Моя рука инстинктивно потянулась к поясу, где должен был храниться точно такой же инструмент велей-

ских нищих, у одного из которых Гатар научился недурственно владеть этим странным оружием. Но, увы, шила на месте не оказалось — «спасибо» Карну. Через секунду горилломедведи подхватили меня под руки и потащили к выходу, а Крыса пошел следом, явно подбывая момент, чтобы ткнуть меня шилом в зад.

Внезапно мои буксировщики застыли на месте. Я всмотрелся в плохо освещенный дальний конец пещеры и увидел, как из темных провалов вырубленных в камне коридоров выбегают «мирные горожане». Картинка, конечно, была абсурдной — одна из «мещанок» в длинном сером платье с синим передником профессионально отработанным движением вскинула арбалет и пристрелила одного из бросившихся в ее сторону телохранителей Крывого.

Любопытный Крыса оббежал застывших здоровяков, чтобы рассмотреть происходящее, а затем резко повернулся ко мне.

— Ах ты ж крыса!

Это я-то? Кто бы говорил!

Вор шагнул вперед, занося руку для удара.

Ну и что мне оставалось делать? Я конечно же предпринял попытку спастись, но тело Гатара не пожелало действовать по предложенному мною сценарию — то есть тупо дергаться в руках здоровяков. Намертво вбитые вelayским нищим рефлексы заработали на полную силу, несмотря на боль в избитом теле. Плавное движение словно пружина скрутившегося тела — и руки выворачиваются из ладоней бандитов. Шаг вперед, захват правой рукой, удар ребром левой — и шило уже в моей ладони, а Крыса с хрипом в перебитой гортани валится на землю. Еще один шаг с разворотом, шило резко клюет одного из здоровяков под левую грудь — и он тут же заваливается на бок с пробитым сердцем.

Круто!

Восхитившись, я пожелал сделать удар в висок оставшемуся конвою более изящным и тут же поплатился за дурное намерение — шаг сбился, и бандит ушел от выпада, встретив меня ударом в грудь. Словно кувалдой саданули! Бандит делает шаг вдогонку, но уже с длинным ножом в руках.

Ну что, приехали?

Заваливаясь на спину, я обреченно прикрыл глаза, но тут тело мошенника воспользовалось тем, что дурной возница выпустил вожжи. Падение перешло в кувырок через голову, и как только ноги коснулись пола — толчок вперед. Пропустив перед собой мелькнувший в воздухе нож, я на контрдвижении ткнул шилом вверх, попадая развернувшемуся по инерции здоровяку под челюсть с правой стороны.

Через секунду на полу пещеры лежало два больших трупа и один маленький: Крыса к тому времени уже затих.

Так, с этим надо что-то делать — либо научиться взаимодействовать с рефлексами тела, либо завести привычку не мешать ему. Сейчас мне просто повезло, а что будет дальше?

Из передраги с конвоирами удалось выбраться, хотя какая мне от этого польза? Осмотревшись вокруг, я увидел, что все подручные Окла лежат на земле, нашпигованные арбалетными болтами, а все выходы из пещеры перекрыты. Зря я насмеялся над людьми графа — когда это нужно, работают они солидно.

Из бандитов на ногах остался только Окл. Внезапно единственный глаз Кривого злобно сверкнул, и он, сжав в пухлых руках артефакт, коротко, словно вышлюнув, произнес какое-то слово.

— Нет! — между стенами пещеры заметался панический вскрик Ургена, который явно догадался, что именно произошло, точнее, произойдет через секунду.

Резкий рывок — и я бросился к Оклу. Бежать было недалеко, метров двадцать, но все равно эта пробежка заняла пару секунд, за которые удалось многое обдумать.

Зачем мне это нужно? «Похитители душ» не были моими друзьями, а смерть зловерного Карна была бы только в радость. Но за секунду до рывка, повернувшись на крик ученого, я поймал взгляд Яны. В ее глазах была такая растерянность, страх и жажда жизни... Не скажу, что влюбился — малышка хороша, но немного не в моем вкусе, — и все же губить такую красоту нельзя. К тому же очень не хотелось дожидаться момента, когда душу Гатара уже не будут сдерживать магические узы.

Подбегая к колодцу, я увидел, как Окла утыкали болтами, что дикобраза, и это было не очень хорошо — если он упадет на пол пещеры, мой героический забег окажется бессмысленным. К счастью, тело главаря бандитов было бронировано толстым слоем жира, который немного прикрыл жизненно важные органы, что задержало падение на доли секунды.

И этого мне хватило. Толчок, удар — и мы, обнявшись как родные, перевалялись через кромку широкого колодца.

Полет затянулся секунды на три, а потом была яркая вспышка и короткий всплеск боли.

Маленькая комната с бедной, можно даже сказать нищенской, обстановкой — и я в ней. Причем полное ощущение хоть и очень четкого, хорошо просматриваемого, но все же сна. Да, и еще: я почему-то в образе маленького мальчика. За дверью комнаты раздаются тяжелые шаги. Кажется, весь дом содрогается от этой грозной поступи. Мне очень страшно. И страх какой-то детский — яркий и очень острый.

Хлипкую дверь снесло от сильного удара, и в комнату ввалился огромный, как гора, папаша Гатара. Похоже, я нахожусь в его сне, точнее — кошмаре.

Что это? Взрыв не удался или я протащил в кристалл кошмары оккупированного тела? Впрочем, маленькому Гатару было не до этого. Страх достиг апогея, и я рыбкой ныряю в окно. Вслед летит рев взбешенного родителя. Дальше пошло мельтешение улиц города — явно не Сатара. Папаша Гатара гонится за мной, догоняет и зверски бьет. Боли не было, но все равно неприятно и страшно — детский страх заразителен. Да уж, тяжелое у Гатара было детство, так что наклонности садиста — я все же мельком заглянул в эту часть его памяти — появились неспроста.

Интенсивность приключений маленького Гатара нарастала — погоня все время повторялась, а папаша постепенно превращался в какого-то монстра. По идее это должно было очень меня испугать, но куда там фантазиям городского мошенника до бреда голливудских режиссеров. В общем, терпимо, и если кто-то ожидал, что я вырвусь из камня с паническими воплями, то сильно ошибался.

Глава 2

ВИКОНТ

Белесая поволока постепенно рассеялась, и я увидел лазурное небо с барашками облаков, а между облаками резвились какие-то эфемерные создания с прозрачными крылышками.

Только не говорите мне, что я попал в рай: не с моим суконным рылом. Впрочем, все оказалось намного прозаичнее — это опять был потолок, в этот раз довольно талантливо расписанный местными мотивами запредельной жизни. Помимо обстановки от предыдущего «включения» отличалось и мое состояние — побоев меньше, а татуировок больше. Я пока еще не видел, но жжение по всему телу говорило, что по количеству наколок новый образ легко переплюнет любого байкера.

Рядом с правым ухом кто-то громко зазвенел стеклом. Повернув голову, я увидел, как Урген собирает баночки с красками. Еще один поворот головы позволил мне лицезреть очень довольного Карна, усевшегося на подоконник большого окна.

Новое тело в принципе слушалось нормально. Я осторожно сел и только тут понял, что валяюсь на холодном полу совершенно голый. Мошенника при «вселении» раздевали, но и заклинаний на нем было значительно меньше.

Наготу нового тела прикрывали только свежие татуировки, конечно, если это можно было назвать прикрытие. Кроме морячка в комнате находилась вся команда: Лован, развалившись в кресле, что-то читал, а Яна перебирала баночки у косметического столика с большим зеркалом.

Мы что, в будуаре какой-то дамы?..

И тут в один момент все стало на свои места — и умопомрачительный набор косметики, заинтересовавший даже хтарку, и слишком уж изящный интерьер комнаты, и ехидная ухмылка Карна.

Блин! Куда я попал?!!

Карн соскочил с подоконника и подошел ближе. Его ухмылка стала еще безобразнее.

— Ну как, тебе нравится? Мне — очень, — тоном одного злобного доктора спросил моряк.

— Вот уж не знал, что кронайским морякам нравятся голубые, — тут же среагировал я.

— Какие? — напрягся Карн.

Похоже, в этом мире еще не успели опошлить голубой цвет. Порывшись в липкой памяти виконта Вляо, я добавил:

— Мужеложцы.

— Что-о!!!

Я ждал чего-то подобного, а вот то, что Лован окажется настолько быстр, оказалось для меня сюрпризом — центурион умудрился вскочить с кресла и поймать Карна за шиворот морской безрукавки раньше, чем тот съездил мне по морде.

Блин! Да что же у меня с инстинктом самосохранения? Так и убить могут. Ведь знал же, еще из памяти Гатара, что кронайцы — жуткие гомофобы.

— Оставь его в покое, сам виноват, — отозвалась от зеркала Яна, но, заметив мой благодарный взгляд добавила: — Прекрати пялиться на меня и оденься, смотреть противно.

Ах вы, неблагодарные сволочи, особенно вот эта красотка! Я вас спасал, а вы...

Впрочем, недовольство длилось недолго — неприятная пилюля досталась и хтарке. Лован звякнул браслетами и что-то показал девушке на пальцах.

— Я?! — возмущенно фыркнула смуглянка.

Еще одна серия жестов и довольно опасный прищур центуриона убедили девушку, и она направилась в сторону большого шкафа. Похоже, меня сейчас будут одевать. Только близость подобной особы напоминает личный контакт со скорпионом.

Яна ловко помогла мне облачиться в совершенно дикий наряд, состоявший из безвкусного желто-синего камзола с дикими ярко-красными бантами, остроносых туфель с золотыми пряжками и лосин, больше похожих на женские колготы.

Боже, что здесь за мода, особенно эти лосины?! Хотя, возможно, все не так плохо — я точно помнил, что у графа в сочетании с камзолом шли нормальные брюки. Под самый конец одевания меня ждал сюрприз — нахлобучив на мою голову шляпу, Яна под видом затягивания каких-то ремешков в камзоле, тихонько шепнула на ухо: «Спасибо», — и незаметно поцеловала в шею. Тело виконта содрогнулось

от отвращения, а мне поцелуй понравился — вот такое внутреннее противоречие.

Ох и трудно будет в этой оболочке!

После одевания Яна усадила меня у туалетного столика. Короткий взгляд в зеркало вызвал неожиданную слабость и головокружение. Можно «догадываться», что это тело не твое, именно догадываться, а не ощущать. Чувствовать может само тело, а не кто-то в нем. Даже более чем экстравагантная одежда виконта не мешала и не натирала — я-то лосин никогда не носил, а вот виконт так одевался всегда, и его тело не ощущало дискомфорта, значит, и мне ничто не мешает. А вот увидеть в отражении чужое лицо — это шок.

Яна почувствовала мою дрожь и спросила:

— Все в порядке?

Глубоко вздохнув, я вновь посмотрел в зеркало, стараясь воспринимать все как телевизор с каким-то чужим парнем на экране.

— Все, я в норме. А ты уверена, что это необходимо? — настороженно покосился я на щеточку в ее руках.

— Да, если виконт появится на людях без макияжа, это вызовет намного больше разговоров, чем его променад голышом. Кстати, такое уже бывало.

— Уж лучше голым, — пробурчал я, рассматривая в зеркале бледное лицо сублильного юноши, которое в сочетании с тенями и румянами становилось еще неприятнее. Нездоровый цвет лица, лихорадочный блеск в водянистых глазах и тонкие губы с морщинами в местах образования презрительной ухмылки.

Это лицо мне совсем не нравилось, но я даже не подозревал, насколько, и, лишь осторожно заглянув в его память, понял, что за человек этот виконт. Оргии, кутежи в сочетании с постоянной скукой — вот и вся жизнь богатого наследника когда-то славного рода. От прикосновения к воспоминаниям виконта остался липкий и очень неприятный след на душе.

Я никогда не был ярым гомофобом, просто не понимал этих людей, но виконт, конечно, еще тот фрукт. Скука — страшная вещь: умноженная на достаток, отсутствие обязанностей и целей в жизни она способна превратить человека даже не в животное, а в какого-то монстра, эндорфинового наркомана.

Копания в липких сгустках памяти ничего важного в плане информации не принесли — в заговоре виконт Вляо оказался случайно. Единственное, что могло помочь графу, — так это имя заказчика, того, кто втянул в заговор юношу и заказал у Окла вторую часть артефакта.

По окончании процедур я, дабы хоть как-то избавиться от удушливого запаха духов, решил подышать свежим воздухом у окна.

Моему намерению никто не препятствовал — народ вернулся к прерванным делам: Яна — к инспекции дорогой косметики виконта,

Карн пересел с подоконника на широкий диван, Лован вернулся к книге. А вот профессор занялся явно не очень привычным для себя делом — рискуя окончательно испачкать свою «рясу», он ползал по паркету, стирая подозрительно гламурной тряпкой свои «художества». Пентаграмма была большой, так что работать ему придется долго. Никто из троицы силовиков помогать ученому не собирался, а лишних глаз в этом деле явно не предусмотрено. У меня же и подавно не было ни малейшего желания помогать местному экспериментатору — во-первых, я не давал разрешения на участие в его опытах, а во-вторых, было жалко портить работу Яны. И не потому что этот павлиний наряд мне нравился, а оттого что на него было потрачено много усилий девушки и моего терпения.

Дневной Сатар был другим. Не знаю, то ли прямолинейное солнце слишком безжалостно высвечивало недостатки Золотого Города, то ли тело вечно недовольного виконта внесло свои коррективы в мое восприятие. А возможно, и то и другое. Под полуденными лучами Сатар напоминал очень дорогое, но немного безвкусное украшение, — я вообще никогда не любил золота, предпочитая ему серебро. Днем появилось ощущение подделки, куда-то ушло очарование ночной сказки. Ночь вообще является идеальным выставочным фоном для всего на свете, а луна всегда была самым снисходительным осветительным прибором, высвечивая лучшие стороны и ретушируя недостатки, к тому же заставляя воображение дорисовывать что-то свое, потаенное и желанное. А вот солнце показывало все как есть на самом деле, без скидок и прикрас. Это касалось всего: и узких улочек, где на фоне «золотых» стен ходили разные люди — от праздно гуляющего дворянина до золотаря с бочкой человеческих отходов, — и сложной композиции черепичных крыш, лишь претендующих на ансамбль. Но, несмотря на все мелкие недостатки, дневной Сатар был по-своему красив, наполнен жизнью и уж точно неординарен.

Кроме города день заставил меня по-другому посмотреть и на себя, точнее — на себя самого, а не на тело виконта.

Блин, как же все непросто! Что со мной происходит? Вчера, если это было вчера, я убил двух человек, но никакого неприятного осадка при этом не чувствовал. Прошлое словно было отсечено прозрачной, но очень крепкой стеклянной стеной: все помню, но я не там, а здесь, и то, что происходит за стеклом, меня как бы не касается. Возможно, именно так чувствуют себя убийцы — те, что не окончательно сошли с ума. Маньяки же наверняка плещутся в своих воспоминаниях, как крокодилы в вонючем болоте. Впервые мне стало страшно, по-настоящему страшно не за жизнь и даже не за разум, а за душу.

От дальнейших душевных терзаний, которые могли привести куда угодно, меня спасло появление графа.

Рывком распахнулись широкие, все в золотистых завитушках двери — и в комнату стремительно вошел граф Гвиери. Все, кто си-

дел, тут же вскочили на ноги, и даже Урген рывком поднялся с колен, нелепо удерживая грязные панталоны виконта в вытянутых руках.

— Урген, бросьте тряпку и присаживайтесь, прислуга домоет. Нам нужно поговорить, — осмотрев непонятное пятно на полу, «милоливо» разрешил граф.

«Силовики» быстро соорудили из имеющейся в комнате мебели круговые посадочные места, и мы уселись лицом друг другу, как при групповой психотерапии.

— Итак, у нас наконец-то появилось время, чтобы немного прояснить ситуацию. Я намеренно отложил объяснение до возвращения джинна, который почему-то оказался не джинном. — Граф выразительно посмотрел на сжавшегося Ургена. — Наш новый коллега очень хорошо проявил себя при захвате Окла, и я решил, что ему не помешает быть в курсе. Всем остальным раскрываю фишки по причине важности дела, а также потому, что вы уже являетесь носителем очень опасного знания. Вам я доверяю, а профессор и... — Он вопросительно посмотрел на меня.

— Иван Боев.

— Так вот, и профессор, и господин Ван, — по-своему воспринял мой ответ граф, — не смогут допустить утечки, даже если пожелают. Конечно, если хотите, чтобы мы вырезали всех случайных прохожих, можете поорать в окно, но легче вам от этого не станет.

Если он рассчитывал, что я вдруг весь изойду в раскаяниях за свое поведение в саду, он сильно ошибался.

Граф резко встал, жестом останавливая поднявшуюся троицу. Мы с Ургеном таким подобострастием не страдали. Пройдясь по комнате, Гвиери что-то там для себя решил и вернулся к слушателям, но садиться не стал.

— Итак, позавчерашняя операция была экспромтом и скорее пробной акцией, нежели чем-то продуманным. Вселение в тело мошенника — а мне кажется, этот термин подходит лучше, чем «одержимость», — мы произвели как пробное. А сейчас мы переходим к главному. В последнее время в княжестве происходит что-то странное, то, над чем я оказался не властен. Если жизнь города — как ночная, так и дневная, — контролируется мною полностью, то влезть в дела высшей знати без позволения княгини мне не удастся. Я не мог себе позволить даже официального ареста этого мерзкого сморчка-виконта. Как понимаете, Ван, это не о вас, — тут же уточнил граф. — А делать что-то нужно. В городе происходит нечто опасное, я это чувствую.

Разномастная троица «силовики» слушала очень внимательно — похоже, в умении графа чувствовать опасность они не сомневались. А мне, честно говоря, все это было до лампочки, и я просто ждал, когда «оперативная летучка» дойдет до места, где будет говориться обо мне.

• Диверсант •

ПРОЛОГ

Крошечная капля воды, родившаяся где-то очень высоко в небе, начала свой путь к земле. Она могла бы напитать собой грунт и дать силы слабому ростку или же присоединиться к миллионам других капель в бурлящей реке, но не в этот день. То ли по законам физики, то ли в соответствии с высшей волей этой капле было суждено смешаться с микроскопическими частичками пыли и стать маленьким чудом — невообразимо сложным и удивительно прекрасным кристаллом льда.

Вместе со своими подружками легчайшая снежинка устремилась вниз в завораживающе прекрасном танце-падении. Да только жаль, что этот танец имел отнюдь не самый поэтический финал.

Стражник чихнул и недовольно стер влагу, образующуюся от снега, постоянно тающего на его раскрасневшемся лице. Он в сотый раз проклял того, кто придумал настолько неудобный шлем: летом в нем жарко, а зимой снег постоянно норовит залепить лицо. И все же основной причиной его страданий была отнюдь не конструкция шлема или прощальный снегопад уходящей зимы и тем более не маленькие снежинки на носу — стражник буквально умирал от жуткого похмелья.

В это самое время он должен был отсыпаться после вчерашней попойки, а не торчать на облепленной пятнами снега серой стене, но судьба распорядилась иначе. «Понесла же нелегкая эту чокнутую императрицу в гости к разродившейся первенцем герцогине!»

Судьбы высших сановников империи страдающего наемника не волновали, а вот то, что барон отправил на перехват императорского кортежа тех, кто должен был заступить на охрану стен, отразилось на жизни похмельного постового самым неприятным образом.

Наемник в очередной раз горестно вздохнул и подошел к краю стены. Смотреть там было не на что — солнечные лучи сверкали на снегу, не оставляя без своего внимания ни единого уголка огромной поляны вокруг баронского замка. Несмотря на бессмысленность этой затеи, стражник все же окинул взглядом окрестности и сделал это отнюдь не в порыве профессионального энтузиазма, а потому что только так можно было перебороть страшное желание закрыть глаза и уснуть.

Звонкий щелчок, казалось, заполнил весь мир вокруг стражника, и в следующий миг все его похмельные проблемы остались в про-

шлом, вместе с жизнью: короткий арбалетный болт легко пробил действительно низкосортный металл шлема и засел в голове наемника по самое оперение.

Через несколько секунд между зубцами крепостной стены появился очень колоритный, особенно в этих краях, персонаж, сжимающий в руках конец длинной жерди. Останься в наемнике хоть капля жизни, он бы наверняка очень удивился подобному явлению. Кронайский пират на севере империи, безумно далеко от теплого моря, смотрелся на заснеженной стене, как степняк-хтар на борту пиратской шхуны, — дико и неестественно.

Абсурд стал масштабнее, когда на стену тем же способом «взбежали» еще два десятка кронайцев. Это были именно они: никакие темные форменные полушубки имперской тайной канцелярии и мохнатые шапки не могли скрыть шикарных бакенбард и «утиной» походки настоящих моряков. К тому же каждый кронаец «украсил» свою форму цветастыми платочками, оборочками и вставками — истребить у этого народа страсть ко всему яркому было невозможно априори.

— Бодар, твой десяток прикрывает нам спину и контролирует двор. Лабра, ты ведешь своих за мной, — тихо прошептал командир отряда, появившийся на этой стене первым. Невысокого роста, но плотный и оттого практически квадратный, кронаец махнул рукой и резким движением обнажил шпагу.

Штурмовики взобрались по самому низкому участку стены, поэтому до надвратной башни было довольно далеко. К тому же Карна смущало практически полное отсутствие стражи на стенах — брать же в расчет этого идиота с болтом в непутевой голове.

Опасения опасениями, но время утекало, как вода за бортом, и если не начать сейчас, то Лован и, что намного хуже, граф будут недвольны.

Растянувшись цепочкой, десять пиратов за минуту добежали до входа в надвратную башню и остановились возле массивной двери, закрывавшей выход из каменного строения на стену. Дверь оказалась незапертой, что лишь добавило подозрительному кронайцу настороженности. Короткий кивок командира — и два пирата ловко забросили «кошки» с канатами на верхушку надвратной башни, а затем буквально побежали по стене со стороны двора.

С тыльной части башня имела два окна, и, несмотря на недостаточную ширину даже для ловких кронайцев, проемы окон вполне подходили для нужд метких арбалетчиков.

Крики и стоны, прозвучавшие в ответ на тихие щелчки арбалетов, говорили о том, что их все же ждали. Это же подтвердил звук колокола над башней, оповестивший весь замок о приходе врага.

— Проклятье, — злобно ругнулся Карн и кивком подал знак подчиненному.

Худошавый пират рывком открыл дверь, и командир абордажной команды нырнул головой вперед, перекатом перемещаясь внутрь башни. Над ним тут же пролетел толстый арбалетный болт.

Выход из переката завершился выпадом в живот стражника, с трудом удерживающего на весу осадный арбалет. Острый кончик шпаги нашел в звеньях кольчуги необходимый участок, а сила выпада позволила острой кромке разрезать несколько соседних звеньев, и клинок глубоко вошел в плоть, пронзая многострадальную печень. Обратного выпада вышла намного легче, увлекая за собой небольшой фонтан темной крови.

В помещении с большим воротом, предназначенным для подъема массивной решетки, дежурил полный десяток стражников, половина которых должна была находиться на стенах. После стремительной атаки пиратов в живых осталось семеро. Через несколько секунд полегли еще шесть стражников, и Карну «на закуску» остался лишь десятник, отскочивший за деревянную конструкцию подъемника.

Огромный ворот с длинными ручками и системой блоков примыкал к задней стене помещения, так что десятнику нужно было защищать лишь пространство перед собой, не беспокоясь об угрозе со спины. Матерый мечник прикрылся щитом и явно собирался разменять свою жизнь на парочку вражеских. Можно было достать его из арбалета, но время поджимало.

Карн не стал лезть на рожон. Легкий прыжок заставил тело, с детства привыкшее бегать по такелажу и реям, легко взлететь на подъемный механизм. Противник этого не ожидал, потому успел лишь развернуть щит, но слишком поздно. Узкое жало тяжелой шпаги скользнуло по верхней кромке щита, впившись в глазницу стражника.

Через секунду почти вся команда пиратов дружно налегала на длинные ручки ворота.

Первыми в увеличивающийся зазор под ошетилившейся острями тяжелой решеткой нырнула десятка гвардейских легионеров в черных «рельефных» панцирях, и уже следом, чуть пригнувшись, прошел центурион Лован. Статус немощного воина в империи сильно изменился. Он вернулся на родину и даже сохранил старое звание, но по-прежнему остался чужим и легиону, и империи. На данный момент он выполнял функции посредника между тайной канцелярией и гвардией, поэтому не мог бездумно лезть в бой.

Лован посмотрел вверх и с завистью увидел ухмыляющегося Карна, который, в отличие от центуриона, по-прежнему в деле и во всю веселится со своей «абордажной командой».

Короткий жест из арсенала легионерского языка знаков заставил следовавших за центурионом четыре десятка гвардейцев рассыпаться по большому двору перед донжоном. Легионеры моментально взяли под контроль выходы как из основного здания, так и из всех подсобных помещений.

Те немногие защитники замка, которые появились на заснеженной площадке перед входом в донжон, практически не оказывали сопротивления. С одной стороны, все понятно — основная сила гарнизона ушла на перехват кортежа императрицы, но все же центуриона терзало смутное беспокойство и ощущение какого-то дежавю.

Впрочем, приказ все равно нужно выполнять. Следующий жест отправил пять десятков под командованием тираха вперед. Легионеры разбились на небольшие группы и вломились во все двери разом.

Через минуту часть легионеров, проверив подсобные помещения, прошла в вывороченные двери донжона следом за основной группой.

Последний десяток был остановлен свистком центуриона и бегом направился к хмутившемуся куратору.

Появление во дворе кареты с императорским гербом только усилило недобрые предчувствия Лована, а через секунду его паранойя получила вещественные подтверждения. Два подозрительно светлых участка стены донжона рухнули, и из провалов хлынула толпа воинов числом не менее сотни.

Лован судорожно сглотнул. Даже если из донжона вернутся все легионеры, их все равно будет слишком мало. Теперь центурион вспомнил: нечто подобное он уже видел, когда вместе с Ваном штурмовал резиденцию военного советника в Пакинае. Тогда они отбились, а вот сейчас шансы достойно ответить на уловку горцев таяли, как снег под весенним солнцем.

Когда рухнула фальшивая стена, начальник тайной канцелярии империи граф Гвиери лишь улыбнулся: «Что ж, этого следовало ожидать: против меня выступает серьезный игрок».

После короткого кивка один из пары телохранителей в черной форме тайной канцелярии дунул в свисток. И тут же поменял сигнальный инструмент на инструмент смерти — короткий и узкий меч.

Десяток легионеров под руководством Лована оттеснил графа с телохранителями и невысокую фигурку беременной женщины к стене, прикрывая их щитами, а сверху, как груши с дерева, посыпались бойцы «абордажной команды». Но все эти ухищрения казались напрасными. Толпа орущих воинов, основную часть которой составляли горцы из Свободных Королевств, могла растерзать эту хлипкую оборону в одну секунду. Тот, кто играл против графа, мог гордиться своим умом, но он все же не дотягивал до уровня начальника тайной службы безопасности императрицы Лары.

Не успели первые удары посыпаться на поднятые щиты легионеров, как во двор через открытую арку влетела стальная масса десяти рыцарей, вслед за нею хлынул кольчужный поток конных оруженосцев. Мало того, на стене как грибы после дождя начали вырастать меховые силуэты. Огромные «медведи» сделали по выстрелу из арбалетов и тут же скользнули по канатам вниз.

Бой закончился за пару минут — горцев буквально размазали по вымощенному камнем двору. Схватка моментально переместилась внутрь донжона, откуда с верхних этажей навстречу отступающим горцам ударили легионеры передового отряда.

Гвиери удовлетворенно улыбнулся, перевел взгляд на беременную женщину и тут же кисло поморщился, увидев торчащий из большого живота арбалетный болт.

— Яна, почему ты не вытащила эту гадость?

— Простите, ваша милость, просто хотелось сохранить его, чтобы воткнуть стреляющему по беременным женщинам скоту в...

— Прекратите ругаться, баронесса. — Гвиери улыбнулся, но все же не дал хтарке озвучить свою мысль до конца. — Думаю, того, кто так лихо попадает с дерева в окно кареты, наши «медведи» уже сбили, как шишку, и затоптали.

Яна, совсем недавно ставшая баронессой Рошаль, лишь фыркнула в ответ, но болт из фальшивого живота выдернула и тут же решительным шагом направилась в сторону донжона в поисках места, где можно «пристроить» этот метательный снаряд.

Граф же остался у стены, обдумывая сложившуюся ситуацию. Хозяин этого замка был человеком не особо умным и, что самое главное, не таким уж богатым, значит, за ним стоит тот, кто имеет деньги для найма сотни горцев и мозги для воплощения сложной аферы. Легенда о том, что старик хотел отомстить за погибшего при захвате императорского дворца сына, трещала по швам. Возможно, удастся узнать хоть что-то от пленников, но, судя по размаху операции, шанс был мизерным. Граф в очередной раз пожалел, что потерял такой мощный инструмент, как «камень душ». Поиски профессора Ургена и беглого «джинна» из иного мира до сих пор так ничего и не дали. А как бы все было просто — подсаживай душу иномирянина в тело бунтаря и получай готовые ответы.

С некоторой ностальгией граф вспомнил свой великий триумф, начавшийся с первого вселения Вана в тело мошенника и закончившийся женитьбой «одержимого» тем же Ваном императора на Ларе и ее восшествием на престол.

Душа погибшего в далеком мире человека по имени Ван, или, как он сам себя называл — Иван, оказалась необычайно полезной. «Джинн» был умен и находчив, он сумел сохранить рассудок и выдержку и в теле пирата, и в теле генерала, он даже умудрился обуздать плоть нелюди дари. Впрочем, именно благодаря этой находчивости Ван сумел улизнуть от графа и получить свободу.

Воспоминания графа прервал голос Яны, выглянувшей из окна второго этажа донжона:

— Ваша милость, вам стоит взглянуть на это самому. — Голос де-вушки не предвещал ничего хорошего.

В том, что ситуация действительно чрезвычайная, граф убедился, посмотрев на пол большой комнаты в северной части донжона. Выстеленная досками поверхность была завалена трупами защитников, но лишь одно тело буквально приковывало к себе взгляд. Раскинув руки, у стены лежал вроде человек, но более внимательный взгляд выделял странную форму носа, когти на руках и серую кожу на костлявом лице.

— Тухлая каракатица! — озвучил мысли графа появившийся в комнате Карн.

Вид тела дари напоминал графу о том, что незначительным бунтом это дело не ограничится. Нелюди играли только по-крупному, и впереди империю ждут серьезные потрясения.

Желание найти беглого Вана и задать ему пару вопросов стало еще сильнее — ведь граф уже давно понял, что после нахождения в теле одного из собратьев лежащего у стены трупа «джинн» рассказал своим эксплуататорам далеко не все.

— И где же его найти? — невольно произнес вслух граф, что не укрылось от чуткого слуха пирата.

— Я бы тоже хотел знать, где эта тварь, — злобно прошипел Карн, в очередной раз удивляя графа непонятно откуда взявшейся ненавистью к иномирянину.

Глава 1 **СТЕПНОЙ БАРОН**

Зима в степи — это нечто непередаваемое: кажется, будто во вселенной нет ничего, кроме чуть выцветшего неба и белоснежной, слегка собранной складками холмов огромной скатерти степи. Даже иногда попадавшиеся рощи не делали эту картину менее сказочной — природа словно выткала тонкие кружева, выстирала их и выбелила, а затем развесила сушиться на ветвях. Тех самых ветвях, которые в конце лета радовали своим богатством, а в финале осенней поры вызывали жалость, потеряв все золото листьев.

А вот зимой для печали места не оставалось, лишь звенящая пустота, которая вызывала в душе желание бежать за горизонт, навстречу неведомому чуду. Живя в городе, даже таком небольшом, как Таганрог, я был лишен этой чистоты и безграничности. Городской снег всегда выглядел грязной и жалкой побирушкой, а не всемогущим седым исполином, царившим в этом мире, который никогда не знал копти заводов и яда бытовой химии.

В этом мире мне нравилось все: и природа, и люди, и даже случайно доставшееся тело. Юный барон Герд Маран не был ни силачом, ни красавцем, но все недостатки с лихвой восполнялись бушующей в крови юноши молодой энергией и острым восприятием окружающе-

го мира. С вызванной гормонами щенячьей радостью иногда даже приходилось бороться, что удавалось далеко не всегда. Впрочем, вновь делать детские глупости и ошибаться все равно было приятно — ведь не нужно никого опасаться и можно жить так, как мне того хочется.

Очередной приступ восторга заставил меня ткнуть пятками в мохнатые бока Черныша. Невысокий, но прекрасно сложенный конь почувствовал порыв седока и, развивая неплохую скорость, рванул вперед, несмотря на довольно глубокий снег. Это было прекрасное животное, унаследовавшее красоту и силу рыцарской породы с юга империи и выносливость хтарских лошадок, которых не смущали ни бескрайность степи, ни снег по колено. Именно на таких степных лошадках ехала вся моя «свита». В крови этих лошадей не было благородной примеси, поэтому они и отстали.

Охто недовольно прикрикнул на свою лохматую «малышку». Удивительно, но хтарская кобылка, всегда казавшаяся тихоней, прибавила в скорости, да так, что обогнала четверку «казаков». Конечно, ширококостный бородач Курат и его подчиненные не родились казаками, они принадлежали к своеобразной субкультуре «вольных» — сборной солянке разных народностей, осевших на степной границе империи, — но мне захотелось называть их именно так, и ребятам это слово понравилось. Так что теперь в мире, очень далеко от берегов Дона, Кубани и Днепра, по степи гуляли казаки.

И старый хтар Охто, и Курат достались мне в наследство от родителей Герда. Я не помнил тех, кто подарил жизнь моему новому телу, и искренне сожалел, что не смог позаботиться о них в старости. Когда мы с профессором Ургеном явились в поместье Маран, там оставались лишь породная управительница Никора, старый лекарь-ветеринар хтар Охто и бывший предводитель баронской дружины Курат, который как раз пытался не допустить кредиторов старого барона к грустно понурившемуся коньку, впоследствии названному Чернышом.

Мое вмешательство расставило все по своим местам — представитель соседа-барона получил вместо коня три серебряных империаля долга и в морду от Курата. К слову, гибрид рыцарского тяжеловоза и степной лошади стоил около трех золотых.

Затем последовала пропитанная недоверием встреча юного барона, которая завершилась решительными действиями домоправительницы. Никора, когда-то качавшая наследника на собственных руках, решительно задрала мне рубаху, посчитала родинки и потеряла наслюнявленным пальцем родимое пятно на лопатке, а затем, заливаясь слезами, повисла на шее у «деточки», которого не видела больше пяти лет. В общем, соплей в тот день хватило.

И вот теперь я — полноправный барон и занимаюсь самым что ни на есть дворянским развлечением — охотой. Вообще-то назвать это

действие развлечением довольно трудно — несмотря на прекраснейшую картинку окружающего мира, глубокий снег вкупе с пронзительными ветром делали это занятие утомительным, но мои новые подданные хотели есть, а купленные осенью припасы подходили к концу. Нет, деньги еще оставались, но в конце зимы купить в этих краях продукты было практически невозможно. Так что охота не охота, а ехать надо, и искали мы не кого-нибудь, а местный аналог зубра. По крайней мере, так я понял из рассказов мастера на все руки хтара Охто. Дядька был более чем колоритным персонажем — полтора метра «в прыжке», сморщенный, как изюм, старикан хитро смотрел на мир раскосыми глазами, словно намекая, что знает ответы на все вопросы, да только не станет на них отвечать. Как он попал к старому барону, было непонятно, но из степи старик принес кучку умений — он и ветеринар, и охотник, и скорняк, даже роды принимал, когда это было нужно.

То, что я не совсем правильно понял слова Отха, стало вырисовываться вместе с нагромождением коричневых комков на волнистом горизонте. Зубры оказались не совсем зубрами, особенно если приглядеться к вышедшему нам навстречу экземпляру. Стало сразу понятно, почему Курат недовольно поморщился, когда Охто в красках рассказывал, насколько увлекательной будет охота на «зубров». Предводитель стада в принципе имел внешнее сходство с зубром или, в американском варианте, бизоном, но если обитатели прерий весили где-то до тонны, то это чудовище наверняка потянет не меньше чем на двадцать центнеров. Или мне так показалось от страха?

Да уж, неприятно это ощущать, но вместе со свободой и постоянным телом, которое можно потерять в любую минуту, причем без замены, я получил страх. Конечно, страх был не таким, как в земной жизни, но все равно чувство очень неприятное.

Кроме веса и тяжелого характера, местный бычок явно отличался от земных родственников более длинными рогами. Этот факт и то, что мои потуги в овладении местным луком оставляли желать лучшего, вызывали желание развернуть лошадку и дать деру. Судя по тому, как Черныш затоптался на месте, он полностью разделял мои мысли. Но, увы, теперь я барон и на меня смотрят мои люди.

Ладно, зимние месяцы все же не прошли бесцельно, и я хоть что-то да умею. Составной хтарский лук легко вышел из специального отделения в колчане. Из соседнего кармашка я достал стрелу и, как учил Курат, привстал в стременах. Сочленения разных пластин слегка скрипнули под кожаной обмоткой короткого и круторогого лука, а оперение стрелы защекотало щеку. Тетива тренькнула и хлопнула по левому рукаву короткой куртки. Полета стрелы я не увидел, но попал точно, потому что зубр возмущенно хрюкнул, подпрыгнул и рванул вперед с целеустремленностью скоростного поезда.

— Хозяин, поспешать тебе надо, — выкрикнул Охто, объезжая меня по кругу и делая на скаку два выстрела.

Закончив объезд, хтар, не дожидаясь своего господина, унесся в обратном направлении. Черныш в этой ситуации соображал быстрее своего седока, поэтому без команды развернулся и поскакал подальше от взбешенного быка. Три стрелы в толстой шкуре отнюдь не испугали обладателя огромной туши и скверного характера, даже добавили ярости, что сказалось также и на скорости.

Испугаться окончательно я не успел, так как через пару минут понял, что догнать Черныша быку не суждено. Даже коротконогие лошадки хтара и казаков спокойно держали дистанцию.

Очевидно, что суть охоты не могла заключаться в убегании от быка — хтар и казаки на скаку посылали стрелы за спину, причем Охто делал это в два раза быстрее остальных. Минут через пять я неожиданно заметил, что не просто возглавляю «отступление», но и вообще остался в одиночестве. Взгляд за спину показал, что мои подчиненные стоят на месте, вгоняя стрелы в замершего чуть дальше быка.

Принять участия в этом «расстреле» мне не удалось — как только Черныш доскакал до основной группы, бык рванул прочь от нас, и, что удивительно, явно не в сторону стада.

Всю осень и зиму у меня было достаточно и своих забот, так что на охоту ездить не удавалось, поэтому смысл происходящего доходил до меня с трудом. Мои подданные с поучениями не лезли, а я, идиот, спросить не удосужился. И только теперь начал понимать, что быка берут измором, а он, в свою очередь, роняя на снег капли крови, старается увести охотников от стада.

Подобное благородство вызывало уважение и соответственно сочувствие к этому сильному животному, но ничего не поделаешь — не я распределял места в пищевой цепочке этого мира.

Бык остановился километра через два. В погоню он шел по нашим следам — пятерка лошадей пробивала снежную целину, облегчая преследователю путь, — теперь же ему приходилось ломать наст самому. Да и раны уже дали о себе знать.

Как ни странно, Охто остановил свою лошадку далеко от вставшего столбом зверя и даже затормозил меня:

— Хозяин, нужно мало ждать.

— Почему?

— Зверь много хитрый, хозяин. Нужно ждать, — упрямо мотнул головой хтар, и бородатый Курат не стал ему возражать.

Ну что ж, ждать так ждать.

Сколько в подобных случаях выжидали опытные охотники, выяснить так и не удалось — в отдалении послышался вой, заставивший дернуться всех охотников, включая меня. И если я сделал это инстинктивно, остальные явно понимали, что происходит.

— Хозяин, надо сильно ехать, — тут же заявил Охто, разворачивая лошадку.

— А бык? — не понял я.

— Бык теперь не наш, бык теперь — хозяина.

— Не понял. — Я действительно не понял. Несмотря на ломаную речь, хтар всегда изъяснялся довольно вразумительно, так что последнее высказывание настораживало. К счастью, мои затруднения были понятны Курату.

— Господин, этого быка захотел себе «хозяин степи», то есть волк, — спокойно объяснил новонареченный казак.

— Мы что, с волком не справимся?

— С этим точно нет, — терпеливо, как ребенку, начал рассказывать Курат. — Господин, это не простой волк, а «хозяин», кроме него в степи хищников нет и не может быть. Если, конечно, не считать камышовых котов, но те хозяевам не конкуренты и добыча у них разная. Охотиться на волков в степи может только самоубийца, и если уж «хозяева» выбрали себе жертву, то не отдадут. Хорошо, хоть предупреждают сначала. Они вообще не нападают без предупреждения.

— В смысле? — удивился я, но все же повернул Черныша следом за хтаром, потому что Курат определенно начинал нервничать.

— Не знаю почему, но на людей «хозяева» не нападают. Кроме случаев, когда какой-то идиот кинется на них сам или станет претендовать на добычу. Так что, господин, нам лучше оставить быка волкам.

— Интересно девки пляшут, — пробубнил я себе под нос. — Ладно, оставить так оставить.

Ссориться с местными «хозяевами» было глупо, а вот понаблюдать все же стоило.

Степь в этом районе не была идеально ровной, но и высоких холмов тоже не наблюдалось — просто огромное белое море с легким волнением. Ближайший холм находился метрах в двухстах от места, где сливавшиеся со снегом серовато-белые фигуры уже окружили упавшего быка.

Еще в столице, перед операцией по изъятию припрятанных денег императора, я осуществил давнюю мечту пирата Эдгара Омара, да и свою собственную. У старшего брата Эдгара была дорогушая подозренная труба. Понимая, что степь — это тоже море, со всеми вытекающими последствиями, средства дальнего наблюдения теряли статус роскоши и переходили в разряд жизненной необходимости. Поход по магазинам закончился в очень дорогой ювелирной лавке, где за цену боевого рыцарского коня мне предложили украшенный позолотой и камнями раскладной оптический инструмент. Подозренная труба выглядела как дамская игрушка. Главный диаметр около пяти сантиметров, длина чуть больше полуметра в раскрытом виде — довольно компактный прибор, дающий где-то семикратное увеличение. Жабя душила с невероятной силой, но этот бой все же выиграло благоразумие.

Труба со щелчком разложилась, давая мне возможность в подробностях рассмотреть финальную сцену охоты.

По непонятным для меня причинам волки по-прежнему стояли вокруг быка и не нападали. Если я не ошибся в масштабах местного бизона, то покрытые пепельной шкурой хищники ростом были где-то с крупного немецкого дога, но значительно массивнее. Как и обычные волки, они не могли поворачивать голову, а вот профиль имели особенный — больше всего настораживала удивительно лобастая голова, приближавшая «хозяев» к собакам. Особенно выделялся вожак — и лобастее, и размером покрупней. Судя по косвенным признакам, стая состояла из трех самок, четырех голов молодняка непонятной половой принадлежности, матерого вожака и еще одного самца, не многим уступающего статью своему предводителю.

Пока я рассматривал хозяев степи, вокруг быка началось движение. Вожак все это время топтался на месте, чего-то выжидая. А вот молодой самец явно не понимал мотивов старшего товарища. Он даже шагнул вперед, чтобы первым напасть на подранка, и тут вожак сделал явную ошибку — он не мог позволить ретивому подчиненному первому вцепиться в горло жертвы, поэтому прыгнул вперед, несмотря на предупреждения интуиции.

Тут же стало понятно, почему хтар не дал мне подъехать к умирающему бизону, который, подогнув ноги, лежал на снегу. Громадная туша ринулась вперед, как ракета «земля—земля». Вожак волков хотел свернуть с пути этой махины, но сделал только хуже — бык боднул его в бок и рывком головы отбросил в сторону. Не останавливаясь, бизон понесся в степь, а волчицы дернулись следом, но остановились, понимая, что сейчас решится судьба стаи.

Король умер, да здравствует король!

То, что смена власти произойдет именно сейчас, было очевидно — на пепельной шерсти вожака расплывалось кровавое пятно, а его «заместитель» шел вперед с видом подкрадывающегося к жертве хищника. Вожак попытался встать, но тут же рухнул обратно в перепачканный красным снегом. Его соперник подошел ближе, но вдруг остановился. Представшая перед ним картинка что-то напоминала и молодому волку, и мне — минуту назад точно так же, подогнув под себя конечности и уронив морду в снег, лежал бык.

Случившееся с вожаком все же пошло на пользу будущему главе стаи, и он сделал шаг назад. Словно подтверждая его догадку, старый волк резко встал на ноги и показал в оскале длинные клыки. Это оказалось последним доводом — молодой вожак резко развернулся и побежал по следу зубра. Стая, вытянувшись цепочкой, направилась за ним.

Бывший вожак, а теперь умирающий одиночка, простоял еще минуту, а затем, не сгибая лап, рухнул на бок. Похоже, сил у него оставалось только на демонстрацию, и уж точно не на сам бой с полным сил соперником.

Я опустил подзорную трубу, и белый мир тут же заполнил все вокруг, лишь вдалеке виделась сероватая точка в розовом ореоле пятен крови двух вожаков: быка и волка. Через час ветер заметет снегом все следы, как и холодное тело «хозяина степи», а пока он умирал, одинокий и всеми брошенный. Почему-то мне стало невыносимо грустно.

Решение было спонтанным и чуточку сумасбродным. Я толкнул Черныша коленями, и умный конь, повернув голову, покосился на меня огромным глазом с явным вопросом: «У тебя все в порядке с мозгами?»

Возможно, я все же не решился бы подъехать к волку, но неожиданно услышал голос хтара.

— Правильно, хозяин, воин не должен так умирать.

Волк поскуливал от боли, но как только почувствовал присутствие чужака, тут же замолчал и даже попытался зарычать.

Подходить к зверюге, которая вблизи оказалась еще больше, было как-то боязно, но когда еще удастся рассмотреть «хозяина степи» с такого расстояния?

— Спокойно, парень, я не собираюсь причинять тебе зла, — сам не понимая почему, заговорил я с бессловесной тварью.

Волк с большим трудом поднял голову и посмотрел на меня. У него были практически человечески глаза, и в них чувствовался разум. Взгляд зверя был наполнен болью и отчаянием с оттенком страха — матерый хищник не желал умирать такой жалкой смертью. Подобную эмоцию я чувствовал, находясь в теле генерала Сакнара, — тоже отчаяние старого вояки и ненависть к несправедливому миру. Мысль возникла в голове внезапно, как и любая другая безумная идея.

Хотя кто его знает, ведь говорил же Курат, что волки не нападают на людей без причины. Может, идея не так уж и безумна?

— Послушай, хозяин, если я попробую тебя выгнать, обещаешь не нападать на моих людей? — Самым странным было не то, что я разговаривал с животным, а то, что разглядел в его взгляде согласие.

Прочитанная мною мысль в глазах волка была последней — силы оставили его, и тяжелая голова вновь ткнулась в снег.

— Охто, Курат, готовьте волокуши. Мы берем волка с собой!

Реакция подданных была разнообразной — казаки смотрели на своего барона как на умалишенного, а вот хтар кивнул с одобрением.

На обратном пути мы все же наведались к стаду и подстрелили крупную корову. Молодые бычки не рискнули атаковать людей и повели стадо дальше в степь. Хтар в охоте не участвовал, он колдовал возле волка, на скорую руку зашивая рваную рану на боку зверя.

Казаки в мгновение ока разделали хоть и не такую огромную, как у вожака, но тоже немаленькую тушу. Что удивительно, все стрелы, кроме моих, торчали из головы животного — так что именно «благо-

даря» моему вмешательству шкура оказалась изрядно подпорченной. После этого отряд, превратившийся в санный, точнее, «волокушный» обоз, направился домой.

Этот сладкое слово — ДОМ. Место, где тебя ждут и где ты чувствуешь себя в полной безопасности. Лишь в этом мире, поскакивавшие не только по городам, но и по разным телам, я понял ценность подобного места.

В конце зимы усадьба Маран выглядела намного лучше, чем осенью, и я надеялся, что к следующей зиме здесь будет уже приличный городок. За зиму мы даже успели разметить шестиугольник будущего защитного периметра.

Поместье расположилось на невысоком холме у самой реки, которую мы быстро преодолели по толстому льду. Справа в километре от поселения белели верхушки небольшой рощицы, второй массив чахлых деревьев находился чуть дальше, у переправы через достаточно широкий, особенно весной, поток Чумры — что по-хтарски значит «глубокая». Впрочем, для степняка любой ручеек является трудно-преодолимой водной преградой.

Явившись сюда впервые в сопровождении Ургена и двух людей мятежного маркиза, я увидел лишь полуразрушенную усадьбу, состоящую из большого бревенчатого дома и четырех сараев, окруженных деревянным частоколом. От былого благополучия в усадьбе остались только меньше десятка слуг умершей год назад баронской четы и дюжина голов разной живности. Птицу я считать не стал.

Теперь же на снежном горизонте возникло небольшое поместье — двухэтажный бревенчатый дом, окруженный десятком подсобных строений, а также восемью длинными бараками, расположенными по периметру поселения. Обносить все это частоколом было глупо — и без того на дома ушли бревна со старого поместья и все, что можно было взять в рощицах, плюс купленные у соседей. С другой стороны, зимой нападать на нас никто не собирается, а на весну у меня серьезные архитектурные планы без участия древесины.

Как всегда, возвращающихся охотников встретила детвора. Спрятаться от этой оравы было невозможно. Два десятка совсем мелкой ребятни выплеснулись веселым потоком из поселения и едва ли не облипли лошадой «обоза». Казаки со «зверскими» лицами отмахивались от детишек чем-то наподобие нагаек, а дети хохотали еще больше.

Едва мы остановились возле одного из сараев, появился десяток женщин, тут же сноровисто разобравших груз мяса и утачивших его куда-то в недра этого человеческого муравейника. Действительно муравейника, потому что места было маловато, а вот людей слишком много.

Сейчас в поселении проживали почти четыреста человек — по полсотни жильцов в каждом бараке. Тесно, но, по крайней мере, те-

перь никто не гоняется за тобой по лесам, и детишки не голодают. Точнее, пока не голодают. Увы, я немного не рассчитал с продуктами.

На обеспечение поселения всем необходимым была потрачена почти половина всех добытых в столице денег — а это ни много ни мало пятьдесят бриллиантовых имперялов.

Впрочем, до реального голода было далеко, а все тревожные разговоры больше основывалась на паранойе Никоры, уже начавшей долбить мне мозг тем, что в амбарах осталось мало зерна. Именно поэтому я увеличил количество охотничьих партий и даже решил съездить на охоту сам.

Виновница продуктового переполоха встречала меня на высоком крыльце главного дома.

— Господин, вы как раз к обеду. Пельмешки вот-вот подспеют, а уха уже готова.

Довольно странные слова в устах местной уроженки, но на самом деле ничего удивительного. После короткого ликбеза по русской кухне местные и поварахи, и остальной народ с восторгом приняли новые для себя идеи макарон, котлет и ухи. Как ни странно, рыбу здесь раньше только запекали на открытом огне, а вот некое подобие пельменей имелось — впрочем, местное блюдо было больше похоже на манты. Для их приготовления кухарки обходились без мясорубки, пользуясь только ножами.

Отобедав и освежившись после долгой охоты в самой настоящей русской баньке, да с веничками, которыми орудовал поднаторевший в этом деле Курат, и нырянием в сугроб, я на несколько минут словно вернулся на Землю. Впрочем, возвращение из воображаемого путешествия меня не особо расстроило. Этот мир потихоньку становится мне родным.

Несмотря на зиму, дел в поместье было много, хотя работой я загружал всех не по хозяйственной необходимости, а скорее для того, чтобы не возникало дрязг, вызванных слишком близким проживанием в тесных и очень дорогостоящих жилищах.

Дома действительно были едва ли не на вес золота: древесина в степи — дорогой товар даже для постройки зданий. Мало того, пришлось ломать стереотипы лесных жителей насчет источника тепла. Возле поместья росли только две небольшие рощицы, которые уже лишились более или менее толстых деревьев и в плане отопления не могли помочь сильно увеличившемуся поселению. Хорошо, что я поинтересовался у местных наличием поблизости залежей каменного угля. Месторождение имелось, причем уголь там залегал неглубоко и был неплохого качества. До моего появления в этих краях месторождение разрабатывали лишь для нужд кузнецов, поэтому я легко выкупил его у соседнего барона за пять золотых.

Подобная дешевизна объяснялась тем, что здесь мало кто умел пользоваться углем для отопления жилища — использовали в основ-

ном привезенные дрова, солому, хворост из прибрежных зарослей и, по примеру хтаров, высушенный помет животных. В основном все это жгли либо в полуоткрытых очагах, либо в печах наподобие русских. Зимой же грелись как могли — бок о бок с домашними животными.

Поистине бесценным в такой ситуации стал мой опыт летних каникул у родственников в Бессарабии. Причерноморская степь тоже не изобиловала лесами, и дома там обогревались довольно сложными кирпичными конструкциями с высокой трубой, дававшими сильную воздушную тягу, — ведь без нее каменный уголь гореть не будет, хоть бензином его поливай. По большому счету, это был один длинный дымоход: сначала шла топка, накрытая сверху чугунной плитой для готовки еды, затем горизонтальный, в виде большой лежанки, дымоход, а в финале — высокая вертикальная труба.

Шестнадцать таких конструкций в восьми бараках обогревали всю ораву, причем без помощи не очень ароматной скотины, которая жила там, где ей и положено, — в сараях.

После обеда и бани я по привычке совершил вечерний обход своих владений и начал, как всегда, с мастерских. Их в поместье было четыре: столярная, кожевенная, кирпичная и кузница. Я приложил руку к созданию всех производственных цепочек, но только приложил — ума местным мастерам хватало и без моего жалкого прогрессорства.

Ну скажите, откуда менеджеру по продажам набраться технических знаний? Только из школьных воспоминаний, телевизионных программ и книг про попаданцев. Да, именно из них, и я бы даже попробовал заняться металлургией, если бы писатели-фантасты понимали в этом деле хоть немного больше меня — полного профана.

И все же я привнес в этот мир кое-что из новинок — к примеру, стрелочный станок, являвшийся жутким гибридом токарного со швейной машинкой. Также я «придумал» штамповочный молот.

Весь цыганский табор бывших лесовиков появился в поместье Маран в начале зимы, и на первых порах было тяжело. Уже начались заморозки, а места в имеющихся помещениях было очень мало. Беременные женщины и дети заполонили весь господский дом, а остальные штабелями ютились в сараях. Недели за две мы общими усилиями построили бараки — благо рабочих рук было хоть отбавляй, — и я наконец-то смог нормально выспаться.

Сейчас, несмотря на тесноту, в поселке появился намек на спокойный быт. Практически вся работа по хозяйству, за исключением совсем уж тяжелой, легла на женщин. В мастерских хозяйничали старики и дети, а все мужское население готовилось к весеннему приходу степняков.

Столярная мастерская встретила меня запахом дерева, треском раскальваемых поленьев и стрекотом стрелочных станков. Со сторо-

ны эти самые станки выглядели чудовищно, но, несмотря на это, работали. Длинная и толстая заготовка закреплялась между двумя вращающимися зажимами с помощью колышков. Один из зажимов через вал и ременную передачу сообщался с большим колесом. Это колесо приводилось в движение по принципу старинной швейной машинки, только роль педали играли своеобразные качели, на которых восседали два мальчугана лет десяти. Новизна этого занятия уже давно прошла, но все равно такую работу пацаны воспринимали как развлечение.

Седой как лунь мастер водил специальным ножом по горизонтальной плоскости станка, стараясь, чтобы острие равномерно шло вдоль вращающейся заготовки. Чуть больше минуты — и древко для тяжелой стрелы готово. Конечно, КПД станка был чудовищно низким из-за отсутствия даже намека на подшипники.

Дальше готовое древко шло к другому мастеру, такому же седому и морщинистому, который закреплял на одном конце древка оперение. Затем еще одна смена рук — и стрела увенчивалась острым наконечником. Вначале все это делал один человек, но я внес в процесс зачатки конвейерной сборки. Сам не ожидал, но производительность увеличилась.

Специалистов по оперению и «вооружению» стрел в помещении было три пары, так что заготовки особо не скапливались.

В другом конце сарая работали мастера по производству луков. Мои попытки влезть в процесс создания длинных луков были пресечены с первого же захода — единственное, что удалось сделать, это свести вместе Охто и лучного мастера, а дальше они все решали сами. Так что длинные луки лесовиков все же немного видоизменились.

С мастерами вообще получилась отдельная история — вместе с посылным я отправил к лесному маркизу Савату Кардею список необходимых мне мастеров и предупреждение, что в случае нарушения этого условия отправлю всех переселенцев обратно. Условия местный Робин Гуд выполнил, но свинью все же подsunул — все мастера оказались древними стариками. Впрочем, дареному коню в зубы не смотрят, сгодились и они, а мои угрозы изначально были блефом — я не стал бы выгонять беженцев, даже если бы там были только дети и калеки.

На выходе из помещения я больше для проформы заглянул в камеру заготовщиков, часть которых подготавливала буковые древки, костяные пластины и жилы для луков, другая часть раскалывала высокие сосновые чурбаки на заготовки для стрел. Все делалось очень аккуратно, потому что сырье было «импортным» и попало к нам аж из лесов севера империи.

Дальше по программе была кузня — квадратный сарай, из которого торчали две высокие трубы. Вместо привычного перезвона моло-

тов оттуда доносились редкие и размеренные удары чего-то тяжелого. Мои губы невольно растянулись в самодовольной улыбке. Если идея по стрелочному станку вызвала у стариканов снисходительное одобрение, то штамповочный молот надолго ввел их в ступор.

Открывшаяся дверь дохнула на меня теплом и гарью. После яркого солнца и морозного воздуха я моментально закашлялся, но через секунду выровнял дыхание и нашел взглядом, можно сказать, свое главное детище. В этот момент огромная балясина как раз поднималась к потолку по двум жестко закрепленным на широкой наковальне металлическим стержням. В наковальне виднелось формовочное углубление в виде трех последовательно расположенных наконечников для стрел. На балясине подвижного молота имелись аналогичные выемки.

Сидящий возле наковальни старик взял щипцами короткую пластину разогретого до белого цвета металла и положил на форму. Сразу после этого балясина рухнула вниз, ударяясь о наковальню.

Через секунду все началось сначала — балясина поползла вверх, а сидящий с другой стороны от наковальни старик ловко выковырял скрепленные между собой тонким слоем металла три почти готовых наконечника и бросил их в чан с водой. Между наковальней и горном сидел еще один дедок, контролировавший температуру заготовки. Железные пластины заготовок обошлись мне дороже, чем простые слитки, но намного дешевле готовых наконечников, так что кузня принесла серьезную экономию.

Молот приводился в движение системой блоков и похожей на журавля конструкцией. На конце длинного плеча рычага имелась веревка, за которую всю конструкцию тянула основная рабочая сила кузницы. Шесть парней постарше поочередно цеплялись за веревку, своим весом увлекая рычаг вниз, а подвижную часть штамповочного «станка» вверх.

Защитники прав детей обвинят меня в использовании детского труда, технари обольют презрением «молот» и спросят: почему я проигнорировал водяное колесо или ветряк?

Что ж, первым я отвечу: попробуйте чем-то отвлечь детей от опасных шалостей, когда родители постоянно работают. А вторые пусть сами попробуют в мире с таким уровнем цивилизации создать ветряк или водяную мельницу. Я пробовал и даже не хочу вспоминать этих жалких потуг.

Что же касается детей и всяких защитников их прав, скажу одно — детство не нужно защищать, его нужно делать интересным, увлекательным и ярким. А это возможно лишь тогда, когда маленький человек живет полной жизнью, а не существует за ширмой запретов и фальшивой заботы. К тому же постоянное упоминание о слишком больших правах, наравне с полным умалчиванием обязанностей и ответственности, порождает монстров. «Творения» подобного под-

хода в силу простой детской обиды способны разрушать своим враньем жизнь учителям, сталкивать друзей в глубокие колодцы и с крыш домов, ради смеха взрывать петарды под ногами беременных женщин и поджигать всякую живность, чтобы просто посмеяться. Детям нужно уделять внимание и дарить заботу, а не защищать их права.

Впрочем, это мое личное мнение, возможно насквозь неправильное.

В данном же случае ребятня постоянно сменяла друг друга, чтобы не скучать, а на «переменах» играла на свежем воздухе. В будущем я займусь школой и правильным детским досугом, но для этого сначала нужно было пережить первую весну — пережить в прямом смысле этого слова.

В кузне помимо мастеров и ребятни сидели еще три человека — двое зубилами отделяли наконечники от лишнего металла, а третий занимался заточкой на точиле с ножным приводом.

За день мастерская выдавала до четырех сотен наконечников, так что столяры за ними не поспевали. Впрочем, когда предложение превышало спрос, кузнецы меняли штамп и делали пластины для доспехов или наконечники для копий.

Третьего «производственного комплекса» я решил не инспектировать, так же как и все предыдущие разы до этого. И дело было не только в том, что стоящий на отшибе сарай издавал неприятнейшие «ароматы», — еще этот запах был свидетельством моей глупости и недалекости. Осенью я закупил у хтаров полторы сотни лошадей для стрелков и казацкой дружины, а вот заготовить кормов не успел. Кормить лошадей зерном мне не давали Никора и собственный здравый смысл, так что пришлось пустить под нож целый табун. До сих пор как вспомню, так готов разорвать себя на куски. Но это я оттого, что привык к исключительному положению лошадей в нашем мире, а здесь кони являются простым источником мяса, как у нас бычки или козы. И все равно было муторно, а в глазах Черныша до сих пор чудились обвинительные нотки.

А вот Охто был рад такому исходу — прагматичный хтар утверждал, что взятый оптом табун обошелся намного дешевле, чем мясо и шкуры в отдельности. И это при всей его нежности к лошадям и другой живности. Городскому человеку не понять странного сочетания любви к животному и спокойного отношения к убийству бывшего любимца, которые уживаются в тех, кто близок к природе. Весной глаза сельского человека с умилением смотрят на очаровательного птенца, уютно устроившегося в ладони хозяина, а осенью та же ладонь сожмет рукоять ножа, и никакие воспоминания не сумеют помешать заготовке мяса.

Тому, кто ужаснется такой черствости, хочу напомнить список ингредиентов, из которых состоит такая вкусная и такая ароматная колбаса.

Да, еще хочу сообщить блюстителям всевозможных прав: детей к кожевенной мастерской не подпускали. Увы, феминисток обрадовать не смогу — там работали в основном женщины и, как ни странно, относились к этому совершенно спокойно.

В кирпичной мастерской пока мне делать было нечего — мастера едва ли не поштучно сушили и обжигали кирпичи для печей, а также готовили к лету инструмент для большой работы. Задуманный мной городок будет не только кирпичным, но и крытым черепицей.

Под конец дня я наведалься в лошадиное царство Охто, находившееся у главного дома в спаренном сарае-конюшне. В самой конюшне хтара не нашлось, но, пройдя между рядами стойл с полусотней оставшихся в моем табуне лошадей, я добрался до сеника, где старик как раз менял волку повязку. Серый «хозяин степи» лежал на боку, и лишь отрывистое дыхание говорило о том, что он еще жив.

— Как он?

— Рог в легкое, жить будет, но много бегать — уже нет, — вздохнул хтар, который обращался с волком как с ребенком.

Кстати о детях — из разных углов сеника поблескивали десятки восхищенных глаз. Самые маленькие всегда крутились возле Охто. Ну хоть убейте, я никогда не признаю уход за лошадьми неподобающим занятием для ребенка. Конечно же таскать навоз их никто не заставлял.

— Охто, что здесь делает ребятня? А если он очнется? — с сомнением посмотрел я на довольно хлипкую деревянную клетку, в которой хтар делал перевязку раненому зверю.

— Хозяин никогда не нападет на ребенка.

— А тебе откуда это знать?

— Старики говорят, — как о чем-то само собой разумеющемся сказал хтар.

— А твои старики часто общались с этими зверюгами?

— Нет, — мотнул головой хтар.

— Так с чего ты взял, что это правда?

— Старики говорят, — с тем же выражением повторил Охто.

Похоже, этот довод имел для него железобетонную крепость, так что спорить было бесполезно.

Несмотря на уверенность степняка, я все же шикнул на ребятню. Они выскочили через отдельный выход из сеника и пушистыми комочками покатались по снегу двора.

— Ладно, старик, когда волк очнется, сообщи мне.

— Хорошо, хозяин, — покладисто поклонился хтар, не вставая из-за малых размеров клетки, и вновь повернулся к своему пациенту.

Отношения со стариком складывались довольно странные — если все поселенцы обращались ко мне на «вы» и почтительно называли господином, то хтар величал меня «хозяином», но при этом тыкал и разговаривал крайне фамильярно. И это было отнюдь не плохое знание имперского языка, а проявление его отношения к моей персоне. Впрочем, меня подобные нюансы не беспокоили, как и подобострастие остальных подданных.

До смерти старого барона возле усадьбы находилась деревня жителей на сто, в основном живших в землянках и некоем подобии степных юрт. Торговля со степняками, собственный табун и налоги с этой «деревеньки» позволяли барону держать двадцать бойцов, которые в перерывах между обороной усадьбы от налетов хтарских разбойников работали пастухами.

Сначала лечение единственного сына «сожрало» табун, затем барон с супругой заболели и умерли. Как результат — воины-пастухи разошлись по другим хозяевам, а оставшаяся без защиты деревенька перекочевала всем составом на земли соседнего барона.

Оставив хтар с волком, я вернулся в главный дом. Приземистый бревенчатый монстр, встретивший меня по прибытии в поместье, канул в лету, предварительно позволив нам пересидеть осенний приход степняков. Братья у нас тогда было нечего, и они не особо старались. Зимой, во время перестройки, основная часть бревен дома и частокла ушла на бараки и сараи, а из остального умелые плотники-лесовики выстроили аккуратный двухэтажный теремок. Внизу располагалась кухня и жилье для прислуги, а на втором этаже — мой кабинет, туалетная комната и спальня. Все это отапливалось теми же угольными печами.

Ужин прошел в кухне за большим столом, где обычно собирались все мои «приближенные»: Курат, Никора, находившийся сейчас в рейде Мороф и Урген, которого здесь знали как Руга из Забадара.

Курат уже сидел за столом, двигая бородой в ожидании кормежки, а Никора помогала Уфиле и смешливой Дирате накрывать на стол.

Когда все уже полезли ложками в местный вариант борща, появился Урген. Вот уже полгода как профессор буквально преобразился. Не знаю, что за блажь влезла ему в голову, но мои рассказы о казаках, как донских, так и днепровских, что-то провернули в профессорской голове, и вся наша компания имела сомнительное удовольствие наблюдать такого запорожца, только в засушенном варианте. Черный «оселедец» и такие же усы смотрелись на носатой физиономии более чем колоритно, но стоит отметить, что замаскировался Урген славно — никто в здравом уме не заподозрит в этом сорокалетнем «козацоре» по имени Руг задержанного и робкого ученого из имперского университета. Да и фигура Ургена тоже немного изменилась — здоровая пища, физические занятия на морозном воздухе и

«постельные войны» давали о себе знать. Да, именно постельные войны — как это ни дико, но наш профессор влюбился в Никору. Вдова местного воина-пастуха была дамой крупной, горячей и очень резкой. Недельной свежести синяк под глазом профессора подтверждал градус темперамента этой женщины.

— Во здравие будет всем вам пища, — по местной традиции пожелал Урген-Руг, присаживаясь за стол.

— Благодарение святым, — невнятно прогудела компания, но если я и Никора тут же принялись есть, то Курат продолжил свое обращение к профессору:

— Руг, ты почему не явился на утреннюю тренировку?

— Так вы ж на охоту уезжали, — вздохнул профессор, уткнувшись своим длинным носом практически в тарелку.

— Ага, так, значит, кроме меня и барона, в поместье больше не осталось достойных соперников? Хорошо, так Вырову и передам.

Профессор грустно вздохнул, хотя сам виноват. Среди молодых казаков мои рассказы о живущих в далекой стране вольных людях, которые в знак своей свободы носят чуб, тоже нашли отклик, и больше половины из них обзавелись «оселедцами». Я не стал уточнять, что подобная прическа не была придумана запорожцами, а практиковалась еще варягами, — такие исторические нюансы могли только запутать. Все бы ничего, но Курат, который, кстати, головы так пока и не побрил, объявил профессору, что чуб еще заслужить надо, а также поставил условие — либо тот начинает тренироваться с другими казаками, либо сбривает незаслуженную «растительность». Вот теперь профессор и мучается. Спрашивается, зачем? Ответ прост и тривиален — ищите женщину. Ну, нравился дородной Никоре Руг-Урген в образе запорожского казака!

Воспоминания вызвали у меня улыбку, которую я постарался спрятать, — ведь обижать профессора совсем не хотелось. За все время моего пребывания в этом мире ученый относился ко мне с пониманием, а в последние месяцы стал едва ли не единственным другом.

Свет привезенных из империи спиртовых ламп освещал большой стол посреди кухни, скрывая в тени кухонные плиты, разделочные столы и развешенную по стоякам посуду. Все это в сочетании с изобилием на столе и открытыми человеческими лицами создавало уютную атмосферу. Именно из-за нее я отказался от баронского способа вкушать пищу — то есть либо в одиночку, либо в кругу семьи, которой у меня пока не было.

Профессор Руг сел за господский стол спокойно, Курат не стеснялся по причине своего простого воспитания, а вот Никора сначала отказывалась, но после того как я уточнил, что управительница хозяйства в четыре сотни человеческих душ — должность более чем важная, она все же согласилась. Повариху и девочек-прислужниц к общему застолью приобщить не удалось. И я решил не переводить

все в приказную форму, немного напуганный грозным доводом управительницы: «Неча немывтым рылом портить господину аппетит!»

После сытного ужина и небольшого объема разных хозяйственных дел меня ждала небольшая, зато чистая и уютная спальня. Охота на свежем воздухе и хлопотный день вымотали полностью, и я начал засыпать еще за столом, но с путешествием в царство Морфея пришлось повременить. Дверь тихонько скрипнула, и в темную спальню скользнула Уфила.

Наш роман случился внезапно и довольно необычно, особенно странным было его начало — Никора заметила мой интерес к прибывшей с беженцами девушке, и следующим же вечером я обнаружил Уфилу в своей постели. Сначала хотел закатить скандал и этой «дурехе», и возомнившей себя бордель-мадам управительнице, но в результате выслушал короткую лекцию от Никоры:

— Вы, господин, простите, конечно, такой же дурень, как и все мужики. Хотя вам-то, молодому, простительно. Ну, нравится девка, так берите и милуйтесь, а то ходит, понимаешь, и только косится.

— А если она не хочет?

— А вы спрашивали?

— Нет.

— Во-от, — многозначительно подняв палец, протянула притворно нахмурившаяся управительница. — А я не поленилась и спросила. Нравится. Так чего ж хороводы водить. Живите вместе, может, даже ребеночка родите. И вам хорошо, и ей польза будет. А надумаете жениться — так баронесса, коли не дура, только радоваться станет. Так, хватит мне тут голову морочить, идите, а то девка вся небось извелась от страха.

Ну и что ты с этим будешь делать? Не то чтобы я был против, вынужденный целибат утомил до крайности, но все равно как-то непривычно.

Утром меня разбудили деревянный стук за окном и резкие выкрики. Уфила рядом уже не было. Не знаю, по своей воле или же в соответствии со строгими указаниями Никоры, девушка старалась не обременять меня своим обществом. Если признаться, не могу сказать — радовало меня это или расстраивало. Особой любви я к ней не испытывал, но иногда хотелось чуть больше нежности. Но это все потом, когда придет весна, запоют птички и всякое такое, а пока нужно работать и заниматься.

Так уж сложилось, что и моя собственная душа, и тело Герда Марана были убежденными совами. Поэтому все поползновения Курата по вытаскиванию моей тушки на тренировки ни свет ни заря наткнулись на барское и категоричное «нет». Так что, вы думаете, сделал этот гад? Он просто перенес место утренних занятий казаков под

окна моей спальни. И теперь вопли тренирующихся казаков вырвали меня из сна не хуже будильника.

Дернув за веревочку, которая вторым концом крепилась к колокольчику в кухне, я вызвал служанок — каюсь, появились у меня барские замашки. Явились обе: и вечно смущающаяся Уфила, и хочотушка Дирата. Зная мои привычки, девушки притащили с собой по ведерку теплой воды. Сотворить здесь нормальный душ так и не удалось, получилось лишь его жалкое подобие. В маленькой комнатушке рядом со спальней на высокой деревянной раме была закреплена кадка на два ведра. В днище кадки торчало медное подобие насадки для душа. Наверх этой конструкции вела удобная лесенка, на которую и забралась более шустрая Дирата.

После моей команды девушка вылила в кадку подаваемые подругой ведра. Вот так я и мылся по утрам. Весь процесс проходил за занавеской, и я в очередной раз улыбнулся, слушая приглушенную шумом воды возню: Дирата, как всегда, рвалась потерять господину барону спинку, а моя Уфила всеми силами противодействовала этому верноподданническому порыву.

Рыжую Дирату мне уже приходилось выгонять из спальни, застав под собственным одеялом, но наших отношений это не испортило — девушка обладала на редкость легким и незлобивым характером.

Одевшись для зимней тренировки, я заглянул в небольшое, но очень дорогое зеркало и увидел в нем уже ставшее родным лицо. Ничего особенного — довольно правильные черты, слегка курносый нос, но только слегка, успевшая чуть загореть кожа и серые глаза, которые мне чем-то напоминали глаза теперь уже императрицы Лары. Вот такое вот совпадение. Все это венчала шевелюра темно-русых волос, которую после каждого расчесывания я грозился превратить в оселедец или вообще лысину, но местное население меня явно не поймет — статус не тот.

Что ж, приятная часть утра закончилась, и начались суровые будни. Новая площадка для занятий — или, как ее воспринимали мы с Ругом, «пыточная» — не изобиловала никакими особыми приспособлениями. Не было ни сложных и опасных тренажеров, ни поворотных столбов, ни турников, отсутствовали даже простые мешки с песком. Самый опасный тренажер из всех возможных стоял посреди вытоптанного в снегу круга — выше пояса коренастый Выров был одет лишь в просторную рубаху, а в руках сжимал палку в виде сабли. Ему было тридцать лет, но сеточка тонких шрамов и на теле, и на лице добавляла лет десять, так же как и нехороший блеск в карих глазах. К моему внутреннему удовлетворению, на голове Вырова посреди свежевыбритой макушки красовался пока еще короткий чуб. В данный момент казак объяснял Ругу, как сильно тот ошибся, взяв в руки оружие.

Профессор был одет в усиленную металлическими пластинами фуфайку и похожий на перевернутый казанок шлем, по которому инструктор стучал, как по бубну. Попытки Руга помешать этому концерту выглядели жалко. Хотя следует признать, успехи ученого задохлика в фехтовании были уже заметны. Так что подобные издевательства все же имели смысл.

Вместе со мной за «избиением» наблюдала все казачья ватага — пятнадцать бывших воинов-пастухов и десять юношей, отобранных в казаки из переселенцев.

— Все, Выров, хватит дубасить Руга, вон пришла еще одна жертва, простите, господин, — тут же поправился Курат.

Выров шагнул назад и стремительным движением на пятках развернулся ко мне.

Силен зверь — казак двигался, как матерая рысь.

С низкими температурами я дружил не так близко, как этот «отморозок», поэтому не рискнул выйти на тренировку в одной рубашке. На мне был надет вязаный свитер с кожаными накладками на локтях. Кстати, все в поселении признавали удобство подобной одежды, многие женщины умели сносно вязать, но ни один мужчина не надевал ничего, в чем было бы больше десятка узелков. Выяснить подробностей подобных суеверий я не стал, а к моим чудачествам все уже успели привыкнуть.

Казак поднял кончик «шашки» на уровень лица и приготовился к схватке. Стоит сказать, что это оружие для моих бойцов было в новинку — в хтарской степи использовались похожие на палаши прямые мечи. Я же по пути в новые владения заказал в последнем крупном городе империи три десятка клинков из хорошего металла, похожих на казачьи шашки. Точнее, это оружие было ближе к драгунским шашкам — метровой длины, с защитной дугой и маленькой гардой. Для себя я тоже заказал клинки, которые вызвали еще большее недоумение кузнеца.

Заказ прибыл практически одновременно с переселенцами, и сейчас четверть сотни бойцов всюду тренировались с новым оружием. Было тяжело, и сначала я даже пожалел о слишком революционной идее, но все же убедил себя, что земные степняки дураками не были, а донские казаки и подавно. Бывшие «ковбои», переквалифицировавшиеся в казаков, подтвердили свою высокую квалификацию — показательная рубка на боевых шашках между Куратом и Выровом вызвала мороз по коже даже у меня.

Выров шагнул ко мне, и я тут же, стряхнув задумчивость, поднял свои имитаторы клинков. В правой руке у меня была палка длиной на пятую часть короче клинка в руках казака, а в левой чуть толще и на четверть меньше той же шашки. Сам не знаю почему, но неудобство тренировок с дарийскими «братьями» подталкивало именно к такой конфигурации. Стандартная стойка дари — низкое положение,

когда левая рука держит «младшего брата» прямым хватом, а правая согнута в локте и сжимает «старшего брата» обратным хватом у лица, — мне не очень нравилась. И все же я добавил в привычный стиль боя местных воинов элементы боевой системы дарийских мечников.

Настоящие схватки всегда скоротечны — рывок навстречу друг другу и тут же разрыв дистанции, но за это время и я, и казак сумели провести по десятку ударов — как удачных, так и не очень. Выров получил одно касание по правому предплечью, а я три синяка, причем один на спине, если говорить очень приблизительно и корректно.

Считал ли казак меня опасным противником? Возможно. Особенно его настораживала моя двурукость. И все же при всем этом я понимал, что до бойца, держащего клинок с детства, мне как до морхских саванн на карачках. Что бы ни писали в своих творениях создатели фантастических реальностей, стать настоящим мастером боя невозможно ни за год, ни за пять, будь ты хоть семи пядей во лбу и обвешайся артефактами с ног до головы. Хотя вру — всегда ведь есть возможность применения суперпуперзаклинания. Но мне эта лафа не светила.

В моем багаже знаний имелись воспоминания о навыках очень опытных людей: уличного бойца, пирата, охотника дари и даже воюющего с детства генерала. Думаете, это хоть как-то повлияло на нынешние боевые способности? Ничуть!

Конечно, обрывки чужих воспоминаний о разных боевых связках давали некоторые плюсы, но, чтобы ими воспользоваться в бою, нужно все это вколачивать в рефлексы с потом и кровью, а мне, увы, мешали и занятость, и элементарная лень.

Вот и в этот день я пару колоколов, которыми здесь отмеряли приблизительно часовые отрезки времени, попрыгал по снегу с казаками, а затем быстро слинял по «очень важным» баронским делам.

Дела на сегодня, конечно, были, но не такие уж важные — прежде всего встретить возвращавшихся из учебного рейда «драгун». Это название я тоже перенес из земной жизни и при этом ничуть не погрешил против истины. Когда встал вопрос, как будут воевать лесные лучники с длинными луками против степных всадников, нагромождение казалось бы ненужных земных знаний выдало слово «драгуны», причем вместе с именем изобретателя этого рода войск. Недолго думая я решил «спионерить» идею маршала Бриссака и научить лесовиков ездить на лошадях. Конечно, превзойти казаков в джигитовке им не удастся даже до глубокой старости, за исключением пары самородков, но этого и не требовалось. Мои драгуны будут драться в стиле первоначальной задумки французского генерала, а не так, как позже сложилось в земной истории, — то есть передвигаться верхом, а воевать в пешем строю.

Пронзительный свист донесся с возведенной на крыше одного из барачков смотровой вышки сразу после обеда. Черныш к этому вре-

мени был готов, и мне оставалось лишь сбежать вниз со второго этажа и запрыгнуть на выведенного одним из мальчишек скакуна.

На выезде из поселка Черныш обогнал орущую гурьбу мальшей, которые, увидев стремительно скачущего по снегу коня, завизжали еще громче. Яркое солнце, чистый снег, чуть щиплющий щеки мороз и возвращение отцов из двухдневного похода — что может быть лучше для маленького человечка?

Сотник Мороф ехал впереди на самой рослой лошади из той полусотни, что удалось сохранить из всего табуна. Вспоминать было неприятно, но определенная польза все же была — в строю остались только лучшие из лучших. Драгуны немного отстали от своего начальника, и на это были уважительные причины. Ведь в распоряжении сотни было лишь тридцать пять лошадей. Острая нехватка верхового транспорта принесла еще одну пользу, теперь уже стратегическую — ведь в походе неизбежна потеря лошадей, и может случиться так, что восполнить ее не получится. Поэтому вместе с Куратом и Морофом мы разработали разные вариации движения драгун по степи. Сейчас отработывался один из самых неблагоприятных вариантов — одна лошадь на троих. В седле восседал лишь один боец, за его спиной находились три колчана со стрелами и небольшие тюки поклажи. А рядом, уцепившись за седельные ремни, бежали еще два драгуна. Время от времени по команде десятников драгуны, практически не останавливая хода колонны, менялись местами.

Такое вот ноу-хау, и только жизнь покажет, насколько мы с моими советниками были правы.

Оставив колонну за спиной, Мороф подскакал ко мне и лихо остановил свою низкорослую степную лошадку. Фигуры коня и всадника по отдельности выглядели неказисто, а вот вместе смотрелись гармонично — эдакая уменьшенная модель Ильи Муромца и его скакуна.

Издали не крупный Мороф не выделялся ничем особым, но вблизи становилось понятно, что этот человек — довольно незаурядная личность. В черных как смоль глазах чем-то похожего на цыгана человека сверкал задор, который в любой момент мог превратиться в бешеную злобу и жестокость.

История Морофа достойна отдельного романа. Он был чистой воды разбойником и убийцей, с детства ведущим жизнь грабителя на дорогах. Какие мрачные тайны скрывались в темных дебрях его прошлого, мне неизвестно, и, честно говоря, как только возникало желание узнать подробности, благоразумие тут же загоняло любопытство увесистыми пинками куда-то в глубь мозга. В характере этого человека меня интересовали лишь две вещи — он был патологически честен и маниакально жесток к врагам своей семьи. Я не то чтобы относился к его родственникам, но право на некую долю верности все же имел.

• Демонолог •

Серые каменные своды изгибались пологими волнами и нависали над головой, словно грозя раздавить любое живое существо, неразумно оказавшееся в глубине горы. Подобное ощущение мог испытать человек или, скажем, морх из южных саванн, а вот дари чувствовал себя в этой пещере вполне вольготно. Конечно, ночной охотник больше любил вечный сумрак леса, его запахи и звуки, но при этом он отнюдь не страдал от клаустрофобии.

Каранторэ — первый кормящийся прайда Черного Клыка — задумчиво провел когтем по своему носу. Подобное действие на нежной коже человека оставило бы отвратительный шрам, а вот жесткая шкура чистокровного дари лишь чуть побледнела и уже через секунду восстановила свой темно-серый цвет. Предводителю всех дари, живших возле огромной черной скалы, гордо возносящей свой пик гораздо выше вековых деревьев Темного Леса, было о чем подумать. Сильнейший боевой маг в малой толике обладал и даром Провидения, он чувствовал, что грядут перемены. Именно подобные предчувствия позволили ему в очень юном возрасте занять место первого кормящегося своего прайда, а немного позже — вознести свой прайд над всем народом дари.

Что именно должно произойти, маг не знал, но он чувствовал, что начало цепи событий уже совсем рядом.

Тихий скрип когтей по камню пролетел под сводами большой пещеры. «Оплывшие» формы логова казались вылепленными самой природой, но это было не так — «дикая» форма была специально создана магами дари. Это являлось единственным признаком дикости в логове первого кормящегося. Множество хорошо выделанных шкур, несколько непривычных взгляду человека, но вполне удобных для самих дари столов и стульев, а также два десятка шкафов со свитками и книгами — все это создавало обстановку уюта и атмосферу цивилизованного жилья.

Повторившийся скрип наконец-то пробился сквозь задумчивость Указующего всех дари.

— Ты можешь показаться.

В ответ на приглашение не прозвучало ни единого звука, которые могли бы сопровождать движения огромного тела, одетого лишь в вязь ремней и юбку из полосок кожи. Молодой дари возник перед глазами «старшего».

Каронторэ с удовлетворением посмотрел на своего «младшего». Вид молодого дари вызывал в его груди двойственное чувство: с одной стороны, он радовал своей завершенностью, а с другой — приходило понимание, что вскоре «младший» получит собственное имя и покинет родителя.

— Говори.

— Старший, я принес прекрасную весть. — Глаза «младшего» лучились восторгом. — Маги говорят, что смогут завершить ритуал всего за три ночи. Мы скоро увидим нашего Господина!

Принесенная весть радовала Указующего, а вот горящие глаза «младшего» вызывали раздражение.

«Имя ему, конечно, дать можно, а вот отпускать от себя еще рано. Достаточно того, что он уже потерял брата».

Желание тут же просветить единственного из выживших детей было задавлено осторожностью. Крамольные мысли в голове предводителя дари пугали даже его самого.

— Я услышал тебя. Можешь идти, и позови главу колдунов.

«Младший» немного стусевался, но быстро пришел в себя и так же беззвучно, как появился, исчез в полумраке пещеры, освещенной лишь десятком магических шаров.

Старший маг прайда явно отирался неподалеку, потому что появился буквально через несколько мгновений. Передвигался он немного кривовато, и сторбленная фигура напоминала совсем еще юного и дикого «младшего», но в отличие от юных несмышленьшей, передвигавшихся практически на четвереньках, сутулость мага была вызвана возрастом. Впрочем, возраст принес старику не только нежность, но и мудрость, а также гигантские знания.

— Указующий... — Без поклона или другого проявления подобострастия старый маг плюхнулся в каменную выемку лежака, покрытую мягкой шкурой лесного гарда.

— Это правда?

— Да, Указующий. Может, конечно, не три ночи, но о двух циклах луны уже речи не идет. На ритуал уйдет максимум пять ночей.

— Он проснется сразу?

— Нет, платой за ускоренную активацию будет долгое пробуждение — три цикла ночного светила, но процесс остановить не удастся даже нам, так что максимум пять ночей — и люди обречены.

— Хорошо, начинай готовить своих учеников, я прикажу выделить на их защиту лучших воинов.

Два могущественных мага еще какое-то время обсуждали тонкости предстоящей операции, а затем, довольные друг другом, расстались. И все же, несмотря на все радостные вести, червячок сомнений грыз душу первого кормящегося. Его сомнения достигли пика и вылились в решение. Дари поднялся с каменного ложа и подошел к бугристой стене. Только вблизи этого места можно было рассмотреть

реть, что по однотонно-серой поверхности тянется тоненькая ниточка серебряной жилы. Когтистая лапа легла на серебряную нить, и мысленная команда мага улетела по этому «кабелю» в управляющий центр прайда.

Вызванного приказом Указующего существа пришлось ждать значительно дольше, чем визита старого мага, и у Карноторэ было время еще раз осмыслить свое решение. Оставлять события на самотек было опасно, поэтому кроме ударного отряда в княжество Сатар пойдет еще одно существо, которое, возможно, ненавидит людей даже больше самих дари. Впрочем, чувства, которые испытывали избранные слуги господ к рабам, нельзя было назвать ненавистью. Для дари люди были обычными животными. В подтверждение этой мысли взгляд дари задержался на мебельном гарнитуре, в который входило несколько похожих на диваны стульев, обитых человеческой кожей.

Недавние события в империи показали, что посылать к людям своих собратьев глупо. Зато в очередной раз оправдала себя одарийская программа. Сотни лет маги дари скрещивали избранный народ с самками рабов, создавая одарийских уродцев, но именно благодаря этому у старшего кормящегося появилось прекрасное оружие.

В этот раз о приходе нового посетителя возвестил не скрип когтей по камню, а тихий хлопок в мягкие ладоши.

— Ты можешь показаться, — позволил дари и увидел, как в помещении так же беззвучно, как и «младший», появляется крошечная фигурка.

Перед дари стояла человеческая самка, или по крайней мере существо, очень похожее на нее. Крошечной «девушка» казалась лишь на фоне огромной туши дари, на самом деле она была лишь немного ниже человеческих самцов и значительно выше большинства самок. Сотни лет селекции одарийских уродов дали великолепный результат — новый вид одари. Практически неотличимое от человека худощавое телосложение, привычные для людского взгляда ногти, волосы и глаза. Немного отличалась кожа, но девушку вполне можно было принять за хтарку, особенно в тех местах, где степняки появляются слишком редко. Знающий человек вряд ли спутает светло-коричневую кожу хтарки с грязновато-серым загаром рабыни.

— Хозяин, ты звал меня?

Девушка низко поклонилась, показывая всю грациозность тела, затянутого в комбинезон одарийских рейнджеров. Впрочем, подобные красоты мало волновали чистокровного дари.

— Да, Клэрэ, для тебя есть задание. Завтра отправишься вслед за основной партией магов и воинов. Твоя задача — проконтролировать со стороны, чтобы им никто не мешал. Пришло время поставить заравшихся рабов на место.

В ответ на слова дарийского мага в глазах девушки полыхнула такая жаркая ненависть, что он подумал: не станут ли эмоции девушки помехой общему делу?

Глава 1 **ИМПЕРСКИЙ ДЕНДИ**

Дверной проем словно отрезал немного душноватую атмосферу зала, наполненного запахами женских духов, с едва уловимыми нотками пота, мерцанием свечей и рваным ритмом музыки. Я наконец-то смог вдохнуть полной грудью сложный букет ароматов весеннего сада.

Небольшой балкончик нависал над зарослями розовых кустов, так что с цветочными ароматами был даже легкий перебор. Однако ночь сглаживала слишком острые «углы» в красках, формах и запахах, а огромное светило заливало серебристым светом окрестности особняка баронессы Динати.

Планета в очередной раз облетела вокруг своего светила и вошла в весенний период, а это значило, что я живу в этом мире уже почти два года и год, как нахожусь в столице империи, далеко от поместья на хтарском пограничье, которое уже стало для меня домом. Земная жизнь постепенно начала забываться, как и фантастические приключения первого года после переселения. Прыжки из одного тела в другое, возможно, воспринимались бы мной как давнишний бред, но нахождение рядом Тани и частые встречи с дарийскими шпионами напоминали о том, что магия реальна и очень опасна.

К счастью, на данный момент у меня выдался довольно спокойный период жизни, и я мог предаться блаженному безделью. Титул графа и нажитое родом Гвиери богатство позволяли проводить время с особым шиком.

— Граф, — послышался за спиной мелодичный голосок, — вам стало скучно в нашей компании?

Конечно, сейчас мне хотелось бы находиться совершенно в другом месте и слышать совсем другой женский голос, но голосок баронессы я воспринял с удовольствием.

— Ну что вы, баронесса, просто стало немножко грустно и захотелось взглянуть на луну.

Я повернулся и увидел приятного вида женщину в кремовом платье с глубоким декольте и очень широким, практически цыганским, подолом. В юности баронесса была более чем эффектна, но бурная молодость слегка «утомила» не самое крепкое тело и отразилась небольшими морщинками на лице тридцатилетней женщины. Также имелась некая вялость пышных форм, но это если слишком уж придираться — баронесса была более чем привлекательной дамой, и ес-

ли бы не определенные нюансы, я бы не отказался закрутить с ней романчик. Она тоже была не против, так что стоило напомнить ей об этих самых нюансах, что я и сделал, упомянув о грусти.

— О... — забавно округлила ротик баронесса. — Мне очень жаль. Думаю, тур трабо — это единственное, что сможет согреть заледеневшее сердце.

В ответ я лишь кивнул, внутренне признавая, что она права. К тому же трабо мне нравилось, несмотря на уверения всех моих знакомых в том, что мужики не танцуют.

Я посещал рауты баронессы по нескольким причинам, и танцы были не последней. Кроме того, переселившаяся из Сатара баронесса Динати была едва ли не единственной, кто принимал меня после разрыва с Ларой.

Да, вот такие дела — за прошедший год я не только стал фаворитом императрицы, но и успел впасть в немилость.

Баронесса изначально приняла эту историю близко к сердцу и даже успела несколько раз поскандалить с Ларой, а заодно с ее главной фрейлиной Иммой. Впрочем, как девчонки поссорились, так и помирились, а вот мне такая легкость в отношениях не светила.

Из Сатара баронесса привезла не только наплевательское отношение к великосветским табу и интригам — вместе с ней в империю переселилось кронайское трабо, моментально ставшее модным. Танец моряков напоминал некую смесь аргентинского танго и испанского фламенко, хотя не берусь утверждать, потому что никогда не был специалистом в земных танцах. А вот на приемах у баронессы, где я неделю заливал вином свои душевные муки, как-то увлекся этим странным сочетанием агрессивности, страсти и вожделения, выраженных в парном движении под музыку. Кстати, некоторые па в трабо напоминали движения, с которыми Яна махала своим веером, убивая киллеров на приеме у сатарского барона.

Баронесса вывела меня в центр зала и подала знак музыкантам, которые по сатарской традиции находились рядом с гостями, а не на высоком балконе, как принято в империи. Музыканты поняли все правильно, и со своего стула встал скрипач — по крайней мере, его инструмент был для меня неотличим от скрипки.

Повинуясь первым тягучим звукам, мы с баронессой начали медленно обходить друг друга, словно выискивая место для атаки. Скрипка перешла с растерянной тоски на плач, а затем внезапно умолкла, но лишь на мгновение, чтобы тут же взвизгнуть и разразиться агрессивной мелодией, в которой остались лишь нотки тоски. Мы также на секунду замерли и буквально вцепились друг в друга — я сжал талию партнерши, а она, высоко подняв локти, ухватила меня за плечи. Через пару па я осторожно обхватил пальцами правую ладонь баронессы, и мы в рваном ритме направились по сложной траектории через весь зал. Нашей целью была не какая-то точка на пар-

кетном полу, а определенное состояние души — когда эмоции мешают не только дышать, но и думать, когда во вселенной нет ничего, кроме партнерши и ее очередного движения. Со стороны казалось, что баронесса пытается вырваться из моих объятий, но не в состоянии это сделать. Отпустив ее на расстояние вытянутой руки, я рывком возвращал гибкое тело ее в свои объятия, увлекая в очередной свинг, с переходом на высшую точку позиции дыхания и эмоции.

Легкость движений в трабо стала доступна мне только после долгих тренировок, но именно эти занятия и огонь танца позволили мне найти душевное равновесие.

Постепенно середина зала наполнилась танцующими парами, а скрипач, казалось, сейчас сойдет с ума следом за своей скрипкой, безумие которой поддерживал звон двух гитар и тихий писк флейты.

Комната наполнилась движением и страстью. Подобную атмосферу я чувствовал только однажды — в бою перед входом в малый тронный зал, где столкнулись «медведи» с легионерами. Но здесь не было ненависти — только страсть. Лучше нас с баронессой танцевали лишь один из Лариных капитанов со своей женой. Довольно неплохо держались пары, в которых одним из партнеров были кронайцы. От жителей центра империи мужчины-кронайцы отличались яркими кафтанамиди-безрукавками и бакенбардами, а женщины — цыганско-испанской вариацией местной моды.

Через какой-то невнятный отрезок времени музыка буквально «умерла», иначе не назовешь. Кора, тяжело дыша, уткнулась лбом в мою грудь.

— Что-то ты сегодня разошелся, Ван.

— Да, накатило, — стараясь выровнять дыхание, вернул я улыбку.

На наши замершие фигуры смотрели без осуждения. Лара игнорировала меня, а Кора еще в юности потеряла мужа, так и не вернувшегося из морского похода. Так что приличий мы не нарушали.

— Тебе стоит завести интрижку — нехорошо, когда такой красавец тоскует в одиночестве. Может, тебя с кем-то познакомить?

— Нет, баронесса, — легко поклонился я, отходя от безумия танца и возвращаясь к полусветскому тону. — Сам справлюсь.

Баронесса сделала легкий книксен и начала хлопотать возле гостей. И только после этого мой взгляд зацепился за чужеродную деталь в светло-голубой обстановке зала и праздничных цветов гостевых нарядов. Черная чешуя «ящера» выглядела как потемневший от времени гвоздь, вбитый в столешницу из мраморного дерева. Даже в период выходов на раут сменил свой черный с серебром камзол на более «мягкий» серебристо-серый.

Подобный диссонанс требовалось срочно исправить, и я быстро направился в сторону двери. Шип качнул короткостриженной головой. Его каменное лицо являлось полной противоположностью улы-

бающимися гостям, но это все же лучше, чем насекомоподобная «морда» забрала черного шлема.

— Командир, — кивнул Шип, сохраняя невозмутимое выражение лица. Бывший убийца, ставший впоследствии командиром моих телохранителей, вообще не отличался эмоциональностью и разговорчивостью.

— Привет, чего такого случилось, что ты явился прямо сюда? — сначала недовольно, а затем встревоженно спросил я. — Надеюсь, все живы?

— Живы, хотя Барсук в отключке, а его игломет унесли.

— Твою ж мать! — едва не завопил я, но успел снизить громкость. — Как это произошло?

— Барсук привел к себе в домик какую-то даму с улицы. Потом дама ушла. Через час я решил заглянуть к нему и увидел, что он в отключке.

— «Даму» искали?

— Нет, я сразу сюда.

— Может, оно и к лучшему.

Шип закончил свой рассказ, когда мы подходили к каретному сараю, где находилось мое транспортное средство. В принципе и у меня, и у старого графа вкусы были похожими, так что ничего нового покупать не пришлось.

Небольшая, хорошо защищенная, при этом уютная, карета не впечатляла красками, но мне вполне подходила, как и стиль в одежде графа: мои новые наряды за редким исключением также были исполнены в родовых — черных с серебром — цветах.

У кареты скучали кучер и Сом, который сегодня отвечал за безопасность моей тушки. Похоже, Шип сначала поделился новостями с ними, а затем уже пошел ко мне, потому-то бывший «медведь» явно нервничал, беспокоясь за друга. И Сом и Барсук перешли ко мне от старшего сотника Вьира Дирны, и причиной смены рода деятельности стало не совсем корректное поведение старого «медведя». Они до сих пор не общались ни с бывшим командиром, ни со старыми соратниками.

Карета тронулась, едва дождавшись, когда мы усядемся. Места внутри было мало, но мы с Шипом уместились.

Кучер гнал как на пожар, явно «мотивированный» обеспокоенным Сомом. Так что до моего городского дворца мы долетели минут за пять, благо он находился недалеко от дома баронессы — дворянский квартал столицы вообще имел компактные размеры, в отличие от императорского. Был у меня дом и в императорском квартале, но, во-первых, главная резиденция больше, а во-вторых, хотелось жить подальше от монаршего гнева, особенно если этим монархом была твоя бывшая любовница.

В саду моего дворца имелось несколько небольших домиков, которыми я разрешил пользоваться тем, кого тянет к уединению. Из моих телохранителей подобным «эстетом» был только Барсук.

После этого случая он будет жить на кухне, зараза!

Мирно похрапывающий широкоплечий мужик в данный момент вызывал у меня только чувство раздражения. Поэтому я повернулся к целителю, который дежурил возле больного.

— Что с ним?

— Спит, ваша милость, его укололи иголкой с соком явбора.

— Разбудить можно?

— Конечно, но если сделать это сейчас, ему обеспечена головная боль на два дня. Причем снять ее не получится.

— А вот это даже хорошо.

Целитель кивнул и, наклонившись над похрапывающим Барсуком, положил ладонь ему на лоб. Этот замаскировавшийся под врача маг достал мне «в наследство» от старого графа. Он привлек его к собственной охране и проверке пищи, но, увы, поздно — к тому моменту магический яд уже поставил крест на жизни предыдущего графа Гвиери. Некоторое время целитель проверял мою пищу, но затем Урген то ли нашел, то ли сам придумал артефакт в виде перстня с камнем, который менял окраску, если в радиусе трех метров вокруг проявлялась магия, даже такая слабая, как та, что использовалась в ядах. К счастью, камень себя пока не проявил.

Маг закончил свои процедуры, что тут же прокомментировал стон Барсука.

— Гнилые потроха!

— Вставай, скотина! — Мое терпение дало трещину.

— Командир? — страдальчески-удивленно посмотрел на меня Барсук и сел на кровати. Насколько шкодливым и недисциплинированным был бывший «медведь», настолько же он был догадливым. Налитые кровью глаза забегали в поисках некоего предмета. Результат осмотра комнаты вызвал еще один стон.

— Ладно, воспитательно-карательную акцию пока отложим. Кто такая? — лаконично спросил я, понимая, что время сейчас дорого.

— Не знаю, — вздохнул Барсук, — встретились у заведения Хнора Весельчака.

— Ты зачем достал игломет из хранилища?

Ответом на мой вопрос был лишь очередной страдальческий стон.

— Похвастать захотелось?

Я понимал, что здесь разыгралась вечная как мир драма. Женщина сначала восхитилась силой и мужеством мужчины, а затем позволила себе нотку скепсиса, и прожженный ловелас, нарвавшись на более сильного манипулятора, чем сам, тут же бросился доказывать свою крутость. И ладно бы он демонстрировал собственное «досто-

инство» — так нет, решил похвастаться диковинной и очень редкой штукой. Таким вот незамысловатым способом один из шести больших иглометов ушел «налево».

— Так, хватит сопли размазывать, — резюмировал я все происшедшее. — Шип, бери Сома, и попробуем встать на след.

Бывший убийца коротко кивнул, а вот Сом, перед тем как выйти из домика, подsunул под нос страдающему другу увесистый кулак, который и без латной перчатки смотрелся очень солидно.

Было неясно, почему на шум не явился Лован, но все стало понятно, когда я заметил его затянутую в легионерский панцирь фигуру с моим жилетом в руках. Центурион понимал все без слов, и не только потому что был нем, но и по причине природной сметливости и серьезного опыта общения с моей не самой спокойной личностью. По той же причине он не стал настаивать на полной «чешуе».

Давно заметил, что у мужчин и женщин по-разному проявляются родительские инстинкты. Если женщина, увидев маленького ребенка — не суть важно, своего или чужого, — тут же жутко умиляется и старается окружить его заботой, то мужики в основном сдерживаются. А вот повзрослевшего юношу женщины опекают слабо, зато мужики становятся похожими на наседку, особенно если они хоть как-то отвечают за безопасность подопечного. И чем старше «родитель», тем хуже. Например, оставшийся за старшего в моем новом графстве Курат наверняка устроил бы скандал и все же напялил на меня полную броню, а вот Лован поостерегся давить, хотя уверен, что без жилета он меня не выпустит. Да я и сам не стал бы рисковать: шести-ствольный игломет в чужих руках — это не шутки.

Переодевание заняло всего пару минут, за которые рядом со мной появился Черныш. Слишком низкорослый и лохматый по сравнению с привычными в столице рыцарскими скакунами, он все же был для меня самым лучшим, несмотря на довольно сложный характер. Черныш демонстративно не смотрел в мою сторону, обижаясь за редкие совместные прогулки. Даже незаметно протянутый мне коныхом соленый сухарик жеребец проигнорировал.

— Ну конечно, отожрался на деликатесах и теперь морду от сухарей отворачиваешь. Вот переведу тебя на сено и воду.

В ответ конь лишь фыркнул. Мое окружение уже давно привыкло к подобным разговорам и не обращало внимания, хотя многие наверняка считали меня чудачком.

Несмотря на все сложности характера, Черныш покорно позволил мне взобраться в седло и, лишь чуть капризничая, поскакал в заданном направлении. Сзади послышался цокот копыт еще троих скакунов. Новые условия жизни немного изменили вид и состав моей боевой «свиты». Теперь отряд «ящеров» состоял из пяти человек: бывшие «медведи» Барсук и Сом и такой же бывший убийца Шип; еще двое бойцов должны подтянуться позже — так и не рас-

ставшийся с казацким оселедцем пограничник Змей и находящийся на нелегальном положении рыцарь Грифон. В мое отсутствие «ящерами» командовал Шип — только его авторитета и боевых навыков хватало, чтобы держать в узде эту не самую спокойную компанию. Кроме того, в отряд входили я и растущий словно на грибах артефактор Еж. Вся наша компания была защищена комплектами черной «чешуи».

Едва получив в свое распоряжение огромные деньги и даже небольшой флот, я все же не утерпел и отправил в Вольные Города на северном побережье континента два торговых судна под конвоем мощного фрегата «Веселая Устрица». Вернулись они совсем недавно и привезли практически все из заказанных вещей, на что ушла изрядная доля состояния, накопленного графским родом за сотню лет. В итоге я получил тридцать комплектов серой «чешуи» и шесть комплектов черной брони — одну под размеры Ежа с возможностью переконфигурации под постоянно растущее тело подростка. Разжились мы и изрядным количеством качественных игл. Вот только сами иглометные трубки мастерам Вольных Городов повторить так и не удалось.

С имеющимся в наличии оружием тоже было не все благополучно — сказывался более чем солидный возраст иглометных трубок. В итоге после переконфигурации у нас осталось пять двухствольных малых «пистолей» и шесть больших шестиствольных иглометов, один из которых Барсук умудрился прозвать.

Через десять минут наша компания, состоящая из одного графа, двух «ящеров» и одного легионера, добралась до заведения Хнора Весельчака. Хозяин большого и дорогого публичного дома в дворянском квартале вполне оправдывал свое прозвище. Его вотчина — двухэтажный домик — буквально фонтанировала ярким светом, визгливой музыкой и звонким женским смехом. Прямо на улице расположилось несколько девушек в ожидании клиентов.

Когда из полумрака затянутой тенью улочки появился явный дворянин на вороном коне, две дамочки даже шагнули навстречу, но тут же вся компания девушек бросилась врассыпную, как рыбки при виде акулы: они заметили «ящеров».

Даже имея такую возможность, я все же не стал заказывать лицевые щитки другого дизайнера — иногда это жутковатое зрелище позволяло решать проблемы даже без использования иглометов и мечей, а на чьи-то нежные нервы мне было наплевать.

Веселый дом стал очень тихим и даже грустным, когда наша колоритная компания ввалилась в главный зал борделя. Похожий на шар Хнор буквально подкатился мне под ноги и заискивающе посмотрел в глаза. Вид и одежда держателя публичного дома не оставляли сомнений в его сексуальной ориентации, но тут уж ничего не попишешь — должность обязывает.

— Ваша милость, я так рад, что вы почтили нас своим визитом.

— Прекрати кривляться. — У меня совершенно не было настроения ходить вокруг да около. — Кто сегодня ушел с Барсуком?

— Это не моя девушка, — замотал головой бордель-папан, да так, что казалось, инерция толстых щек оторвет ему голову.

— Я не спрашивал, твоя или не твоя, я спросил — кто?

— Не знаю.

Толстяк затрясся от страха, и боялся он явно не меня. Ситуацию нужно было исправлять, и Шип понимал это как никто другой. Он стянул свой жуткий шлем, но выражение его глаз вогнало толстяка в еще больший ступор.

— Ты врешь, и это нехорошо. Ты боишься кого-то больше, чем нас, и это совсем плохо. Хочешь, я за три удара сердца докажу тебе, что мы страшнее?

Когда было нужно, Шип становился очень убедительным и красноречивым, мне даже казалось, что театр потерял великолепного актера, — а может, он совсем не играл, просто иногда показывал часть мрака, живущего в его душе.

— Я не знаю, — заскулил толстяк, едва удерживаясь на грани истерики. — Мои мальчики хотели наехать на эту чужую шлюху, но появился Свин со своим напарником Храпом — и побили их.

Я посмотрел на Шипа и получил утвердительный ответ на невысказанный вопрос. Мы оставили погрустневший веселый дом и вышли наружу.

— Свин и Храп — эти два борова и работают на Скока Кувалду, — отчитался Шип, который в нашей компании заведовал контактами с преступным миром столицы.

— Это тот, кому мы объясняли, что не стоит брать денег от нелюдей?

— Да, командир.

— Похоже, до него плохо дошло.

Продолжая обдумывать сложившуюся ситуацию, я пропустил нечто интересное, но Шип оказался глазастее и незаметно толкнул меня локтем. Теперь я заметил, что одна из девушек ведет себя странно. Она явно искала своим взглядом мой, а поймав, тут же потупилась и поспешной походкой нырнула в темноту улочки.

Намек был понят, и мы с Шипом, оседлав своих коней, медленно поехали следом. Испуганная девчужка ждала нас за углом. Она дрожала как осиновый лист, но явно не собиралась упустить, возможно, единственный в жизни шанс хоть как-то изменить свою судьбу.

— Говори, — тихо сказал я, глядя сверху вниз на вцепившуюся в стремя Черныша девушку.

— Хнор соврал вам. С девкой приходил Два Удара.

— Ты знаешь его? — повернулся я к Шипу.

— Да, наши дела стали хуже, но не смертельно. Два Удара работает на Спрута, а это рыба покрупнее Кувалды. Вот только зачем Спрут подставил Кувалду?

— Думаешь, толстяка заставили?

— Уверен.

— Ладно, разберемся. Дай девушке пятьдесят импералов и отправь в Сатар. Бордель сжечь, только проследи, чтобы никто не погиб.

— Весельчак?

— Пусть живет. Не стоит зря губить человеческую жизнь, даже такую мерзкую.

— Принял, командир, — кивнул бывший убийца, подавая девушке руку.

Наше возвращение к борделю восприняли по-разному — кто с пониманием, а кто-то со злобой. Выкатившийся из дома толстяк едва не изошел ядом, глядя на сидевшую перед Шипом девушку. Все мои сомнения исчезли, и даже появилась мысль — не опасно ли оставлять такую гадюку за спиной.

Поняв, что все мосты сожжены, девушка что-то зашептала Шипу на ухо, и он подал своего коня вперед.

— Командир, она слышала, где охмурившая Барсука шлюха должна была встретиться с Два Удара. Таверна «Толстый кошель».

— Поехали, — дернул я повод Черныша, потому что ситуация меня откровенно достала, к тому же жутко хотелось спать.

— Дождемся остальных, — ровно возразил старший «ящер», и его тон говорил о том, что спорить бесполезно.

К счастью, наш неначавшийся спор был тут же решен приближающимся перестуком множества копыт по мостовой. На небольшую площадь, окруженную десятком разных увеселительных заведений, влетела кавалькада из двух десятков лошадей. Впереди ехали Змей, Грифон и Еж в полном облачении. Они словно представляли собой стандарт, с которым те, кто явился следом, боролись со всем жаром непокорной кронайской души.

В который раз за последние месяцы я вздохнул, глядя на этот цирк. Заказывая разные комплекты брони, я втайне рассчитывал, что появятся отряды черных и серых «ящеров». Увы, не получилось. Народная молва окрестила отряд поддержки «попугаями» — была в этом мире пестрая и крикливая птица, название которой я перевел для себя именно так.

Яркие накидки поверх серой брони были компромиссом в моей борьбе с романтической натурой кронайцев. К тому же для них я заказал шлемы с гладкими масками и был готов к тому, что они раскрасят их клоунскими рожицами, но кронайцы опять удивили — они приделали к шлемам нечто похожее на растманские дреды, а вот лицевые пластины оставили серыми и безликими. Картинка получи-

лась довольно оригинальной, чем-то напоминающей персонажа из фильма «Хищник». Впрочем, шлемы не особо бросались в глаза, потому что лихие морячки предпочитали держать их прикрепленными к седлу... даже в бою. Они и броню не очень-то любили, но тут я настаивал на своем.

И все же, чтобы там ни думалось, глядя на этот цирк, Карн водил за собой двадцать девять действительно отъявленных головорезов, а на что способна хорошо сработанная абордажная команда, я узнал, находясь в теле пиратского принца. Так что их достоинства заставляли терпеть все недостатки, какими бы они ни были.

На площади стало шумно, но Шип быстро навел порядок, и пятерка «попугав», забрав девушку, поскакала обратно, а все остальные под моим предводительством отправились к вышеупомянутой таверне.

Весельчак остался стоять перед своим заведением в одиночестве, уже понимая, что совершил серьезную ошибку.

Таверна «Толстый кошель» представляла собой квадрат одноэтажных, похожих на бараки зданий. Вывеска над входом была одновременно простой и оригинальной — солидный кожаный мешок, лишь отдаленно похожий на увеличенную модель мешочка для денег. Как и все заведения дворянского квартала, таверна оказалась достаточно чистой и ухоженной, но все равно ее вид намекал на явно бандитское происхождение. Кронайцы быстро окружили здание, передвигаясь на своих двоих значительно шустрее, чем верхом. За последнее время абордажники привыкли к своим скакунам, но все равно порой вызывали у опытных наездников улыбку. Только Змей постоянно морщился и плевался. Если учитывать то, что именно его я приставил обучать моряков верховой езде, такая реакция была вполне объяснима.

Три «ящера» вошли в таверну и через несколько заполненных треском, криками и звоном посуды минут выволокли наружу хозяина заведения.

— Здесь был некто Два Удара и девушка. Где они встречались?

Довольно упитанный, правда, не настолько, как Весельчак, хозяин заведения лишь мрачно кивнул. Скрывать что-либо ему смысла не было, да и вид «ящеров» не способствовал проявлению бандитской «корпоративной» этики.

— Какая комната?

— Двадцать третья.

Удовлетворенный, я покинул седло и шагнул в сторону хода в таверну. Появ на мои намерения, Лован звякнул браслетами и выдал Карну жест на легионерском языке знаков. Недолюбливающий меня кронаец, взяв четверых из своей пестрой команды, поспешно нырнул в темный прямоугольник входа в таверну. Глаза в очередной раз резанул вид цветастых и ярких даже в лунном свете накидок на серой

броню. Карн носил алое, тисненное диковинными птицами «пончо», а его подчиненные добавили в общую картину все остальные цвета радуги. Некоторые умудрялись создавать такие цветовые композиции, от которых все земные стилисты совершили бы массовое самоубийство.

Цирк да и только!

«Ящеры» взяли меня в защитную «коробку» и повели внутрь здания. Тут я пожалел, что не надел полной брони, и не потому, что боялся нападения: если бы на мне была «чешуя», телохранители вели бы себя поспокойней, оставляя мне больше личного пространства.

Пройдя через вытянутый обеденный зал, мы вошли в узкий коридор правого «барака» и через минуту оказались у нужной нам двери.

Явились мы слишком поздно. Сквозь открытый дверной проем я увидел лежащую на жесткой кровати девушку и понял, откуда у подельника Спрута такое прозвище.

Кровь, вытекшая из раны под грудью, пропитала платье до пояса, а вот жуткий разрез на тонкой шейке практически не кровоточил. Его нанесли уже после смерти — как подпись того, кого называли Два Удара.

Сволочь, найду и подарю этому уроду такое же украшение.

Несмотря на все наши разногласия, Карн легко прочитал отразившиеся на моем лице мысли и выдвинул встречное предложение:

— Можно я?

— Договорились. Шип!

— Да, командир, — откликнулся мой спец по уголовщине.

— Ты знаешь, где сидит Спрут?

— В Низовье. Район Старого рынка. Но где именно он прячется, не знает никто, а искать будем долго.

— Ничего, поищем, есть у меня одна идея. — Я недобро улыбнулся Шипу и пошел по коридору обратно.

На выходе из таверны мой взгляд сразу отыскал Ежа, который тут же был взят в работу. Подобный интерес к диковинным иглометам я предвидел уже давно, но только сейчас нашелся тот, кто решил, что может посягать на собственность молодого Гвиери по прозвищу Черный Ящер. Видно, общение со старым Гвиери, известным в определенных кругах как Кровавый Морж, их ничему не научило, так же как и воспитательная работа, проведенная мной с парочкой местных бандитов.

Местного любителя диковинного оружия ждал сюрприз — в каждый игломет был вставлен простенький артефакт из запасов замка Торнадо. Даже не артефакт, а осколок от артефакта, толку от которого было ноль, но натасканный Ургеном Еж мог засесть этот осколок с расстояния в тридцать метров, чем мы и собирались воспользоваться.

Небольшая заминка случилась на выезде из дворянского квартала — стража не любила ночных путешественников, и я их вполне понимал. На сердитых стражников не подействовали ни жуткие маски «ящеров», ни черный морж на серебристом фоне, ухмылявшийся окровавленной пастью с родового знака на моем камзоле. А вот спокойная физиономия Лована и три серебряных наконечника стрелы центуриона на его черной гвардейской броне сработали не хуже земной «вездеходной» ксивы.

Ворота со скрипом открылись, выпуская нас в Низовье, словно болото обтекающее три богатых холма имперской столицы.

Отличие от холмов, Низовье не засыпало никогда, даже посреди ночи кто-то шлялся по улицам, направляясь по своим, наверняка темным, делам. До них нам не было совершенно никакого дела, и наша кавалькада быстро спустилась до набережной Ады, а затем по набережной до Речного рынка. Как только мы достигли рыночного квартала, вперед выехал Шип, а за ним двинулась пугливая, как и сам подросток, лошадка Ежа. Бывший убийца показывал дорогу к возможному лежкам местного босса мафии, а юный артефактор пытался уловить магические эманации.

Выбор Шипа оказался верным, и буквально в первом же доме, мимо которого он провел нашу компанию, Еж почувствовал отголоски магии. Это был старый постоялый двор, похожий на тот, в котором мы год назад отсиживались перед штурмом городской стены.

Судя по отсутствию вывески и некоторым архитектурным излишествами, кто-то тщеславный решил переделать постоялый двор в свою резиденцию.

А что, довольно оригинально — одновременно и не слишком вызывающий для вора дворец, и довольно презентабельное жилище.

Так как отпор ожидался серьезный, а лить кровь пока не хотелось, в дело вступила шальная команда морячков.

— Как работаем? — спросил Карн, вот уже почти год умудряющийся обращаться ко мне, избегая упоминания имени, титула и даже «вашей милости».

— Дубинками.

— Можно и дубинками, — пожал плечами практически квадратный моряк и потащил из кофра на своей лошади еще одно привнесенное в этот мир земное изобретение.

В руках бронированного воина, можно сказать типичного рыцаря, милицейская дубинка с боковой ручкой смотрелась диковинно, но отнюдь не нелепо. Новинка пришлась по вкусу и «ящерам» и «попугаям», но только после того, как Шип произвел некую модернизацию: в местной дубинке не было ни дерева, ни резины, а только качественная сталь.

Что ж, другой мир — другие правила. Я особо не возражал.

Ворот абордажная команда трогать не стала, кронайцы лихо перемахнули через трехметровые стены, причем без использования подручных средств.

Отстраненный от всеобщего веселья кронаец открыл для нас ворота и тут же побежал за своими воевою резвящимися товарищами.

Когда-то я уже входил в захваченный моими бойцами дом, но сейчас взятое штурмом здание напоминало не морг, а скорее госпиталь — десятки людей валялись под стенами, выплевывая на землю зубы и держась руками за места переломов.

Не помню, откуда я это почерпнул, но мысль о том, что «переговоры нужно вести в такой обстановке, чтобы твой собеседник чувствовал себя неудобно», мне понравилась, так же как Карну — человеку кровожадному и, скорее всего, скрытому садисту.

Довольно крупный и только начавший толстеть Спрут ждал возможности поговорить со мной в действительно неудобном положении — подвешенный вверх ногами к потолку своей спальни. Мало того: из одежды на нем были только сапоги — судя по характерным порезам на теле, Карн сначала подвесил его за ноги, а уже затем начал срезать тряпки. Не скажу, что зрелище приятное, но с такими людьми как-то не до церемоний — вежливость они воспринимают как слабость.

— Доброй ночи, господин Спрут. — При такой расстановке сил можно было позволить себе легкую издевку. Выслушав ответный поток грязной брани, я продолжил: — Вы слышали обо мне?

— Ты — Черный Ящер, — как-то неожиданно быстро успокоился мафиозо, что говорило об уме и внушало надежду на конструктивные переговоры.

О том, где находится игломет, спрашивать было глупо, потому что оружие нашлось на рабочем столе в кабинете Спрута, но не это было самым важным.

— Кто надоумил вас позаимствовать мою собственность?

— Да пошел ты! — прорычал бандит и постарался даже плюнуть в мою сторону.

Карн не зевал и врезал кулаком по слегка надувшимся для плевка губам Спрута раньше, чем слюна успела вылететь наружу. Бандит закашлялся, а его крупное тело задергалось. Я недовольно сморщился — поведение кронайца мне не понравилось, особенно ввиду того, что такой же прием он применил два года назад, когда я вздумал плюнуть в старого графа Гвиери.

Чудны твои дела, господи, ну кто тогда мог знать, что пройдет не так много времени — и я сам стану носителем герба с моржом, а Карн будет предотвращать попытку плюнуть уже в мою персону?

Еще несколько ударов по обнаженному телу результатов не дали, что едва не ввело Карна в иступление.

— Карн, успокойся, — тихо сказал я, и кронаец с недовольным рыком отошел назад.

В комнате появился Шип почему-то с тазиком в руках. Он поместил посуду под головой висящего Спрута и достал кинжал.

Любопытство все же оказалось сильнее меня.

— Что ты собрался делать?

— Так ведь профессор просил заготовить ему пару литров крови. Когда еще выдастся такая возможность?

В бывшем убийце точно пропадавал великой актер.

И все же одного из самых жестоких мафиозо столицы убедили отнюдь не слова. Шип чуть присел, и его глаза оказались на уровне с глазами Спрута. Вот только после этого я увидел страх на лице бандита.

— Это был не человек, — отрывисто заговорил Спрут. — Он сначала заказал твое убийство, но я отказался. Затем он предложил серьезные деньги за оружие.

Смысла в дальнейшей беседе не было, но я все же не удержался.

— Неужели вы не понимаете, что иметь дело с нелюдью нельзя?

— А чем их золото хуже твоего?

— Когда они придут в этот город всерьез, золото тебе уже не понадобится.

— Мы народ привычный, выживем и при нелюдах, — криво ухмыльнулся Спрут. Допрос начал превращаться в беседу, и с этим нужно было заканчивать.

— Живые люди нужны дари только в роли рабов, впрочем, говорить тебе это бесполезно. Где в городе могут прятаться нелюди?

— Можно подумать, если я скажу — ты меня отпустишь.

— Можешь не верить, но отпущу. Крови моих людей на тебе нет, а за кражу мы уже рассчитались. — Я был уверен, что, пока мы беседовали, абордажная команда успела обнести весь дом начисто, включая самые хитрые тайники.

— Хорошо, я расскажу о нелюдах, но сдавать своих не стану.

— А меня твои поделщики не интересуют, пусть этим занимается стража. У каждого свой хлеб.

Спрут оказался действительно разумным человеком и сдал мне пять домов, в которых его люди приготовили лежки для дарийских шпионов. Вот только эта информация оказалась бесполезной — все схроны к тому времени опустели. Причем нелюди там явно жили, но ушли как минимум за сутки до нашего прихода. Вымещать зло на Спруте я не стал, понимая, что он вряд ли мог предупредить своих партнеров из Темного Леса. К целому вороху тайн добавились еще одна: нелюди спокойно сидели у нас под носом, и мои агенты не смогли их засечь. И все же они уходят в неизвестном направлении, и что самое главное, по непонятной причине, а вот это было значительно хуже.

Ночка выдалась беспокойной, поэтому по прибытии домой я сразу отправился в душ и уже собирался завалиться спать, но заметил, что в банном комплексе моего дворца я не один.

В такое время в этом месте могла находиться только одна особа.

— Яна, хватит отмокать! — крикнул я в сторону «водного пузыря» и, накинув халат, уселся в плетеное кресло, накрытое пушистым полотенцем, дожидаясь плещущейся в бассейне хтарки.

Весь банный комплекс являлся моей прихотью и гибридом достижений двух миров. Еще мой первый поход в одно из развлекательных заведений Золотого Города дал возможность по достоинству оценить «водный пузырь» — каменную сферу, по внутренним стенкам которой постоянно текла вода, собираясь в бурлящем бассейне. Как оказалось впоследствии, это чудо-джакузи не обошлось без примитивных артефактов.

В своем банном комплексе я организовал и «пузырь», и два вида бань, и несколько разновидностей джакузи. Что уж говорить о душевых кабинках.

Чтобы обеспечить все эти чудеса необходимым напором воды, пришлось немного подпортить архитектурную гармонию особняка, построив высокую водонапорную башню. Но и с этой задачей местные строители справились, гармонично вписав башенку в общий ансамбль.

Несмотря на всю конспирацию, Яна не могла отказать себе в удовольствии и совмещала отчеты в проделанной работе с посещением банного комплекса.

Наконец-то к тихому журчанию «водопада» добавились хлюпающие звуки, и из-за полога льющийся воды, как Афродита из пены морской, явилась хтарка. Я в очередной раз залюбовался изящным телом степенной смуглянки. Мне больше нравятся женщины со светлой кожей, но эта девушка была исключением из всех мыслимых правил. Не особо стесняясь, Яна набросила на себя махровый халат и, изящно «проплыв» по центральному залу банного комплекса, опустилась в соседнее кресло.

— Хорошо, — выдохнула девушка, и я дал ей возможность прийти в себя перед деловым разговором.

А поговорить нам было о чем. Баронесса Яна Рошаль была моим агентом в тех кругах высшего света, которых я не посещал по вполне понятным причинам. По «легенде» дальняя родственница покойного графа Гвиери была со мной на ножах из-за наследства. Это давало ей возможность собирать вокруг себя моих врагов. Со вхождением в высший свет у хтарки проблем не возникло. Мало того что она считалась родственницей воспитателя императрицы, — к тому же ее баронский титул был вполне реальным: где-то на юге в бедной усадьбе доживал свои годы старый барон Рошаль, который своей юной супруги и в глаза не видел.

— Устал? — участливо спросила девушка, с которой нам удавалось сохранять те редкие отношения между мужчиной и женщиной, которые вполне можно назвать дружбой.

— Да, пришлось побегать, но все это лирика. Как там дела в высшем свете?

— Болото, — фыркнула хтарка. — Я вообще не понимаю, как можно жить такой жизнью. Переливают из пустого в порожнее, и ладно бы просто переливали и обсуждали друг друга — так постоянно норовят испоганить кому-нибудь жизнь.

— Яна, я действительно устал и хочу спать. — Вслед за этим заявлением мне удалось изобразить мягкую улыбку, чтобы не обидеть девушку.

— В принципе все по-старому, — добродушно отмахнулась хтарка. — Твоя Лара по-прежнему сходит с ума, я едва сдержалась, чтобы не нахамить ей на вчерашнем приеме. А ее новый фаворит...

— Это неинтересно, — без нажима перебил я девушку.

— Ну тогда из интересного лишь то, что маркиза Селкер очень зла на тебя, и, судя по тому, что в ее окружении появился некий юный рыцарь, тебя ждет дуэль. Ван, это не совсем разумно — отказывать женщине, особенно такой красивой.

— Мне что, нужно было с ней переспать?

— И чего бы с тобой такого случилось? — немного удивленно приподняла бровь Яна. — Она ведь действительно красавица.

— Ну, на вкус и цвет все фломастеры разные, — немного неуклюже скаламбурил я и услышал в ответ фыркатье девушки.

Яна знала, что такое фломастеры, впрочем, как и то, по какой причине жгучая брюнетка вот уже неделю домогалась моего тела. Любвью здесь и не пахло, просто жене престарелого, но очень богатого маркиза захотелось пополучить в свою коллекцию еще один трофей, особенно ценный из-за моей связи с императрицей. Для меня секс — это в лучшем случае марафон, в худшем спринт и уж никак не эстафета, какой бы красивой ни была передаваемая из рук в руки эстафетная палочка.

— Если это все, я пойду спать.

— Иди уж, соня, а я еще немного поплещусь.

Увы, сразу лечь спать мне не удалось — в купальню вошла сонная Таня.

— Привет, Ваня, привет, Янка, — потирая глаза маленьким кулачком, заявила тринадцатилетняя девочка в ночнушке. По крайней мере, так мог подумать любой, кто не знал, что в теле маленькой девочки живет душа взрослой женщины.

— Меня зовут Яна, — уже в сотый раз прошипела хтарка.

— Я тебя не звала, сама пришла, — также в сотый раз парировала Таня.

Эта перепалка повторялась постоянно, но пока не надоедала ни им, ни мне.

— Ты чего не спишь? — вяло спросил я.

— Так ведь все бегают, как слоны. Что случилось-то?

— Ничего интересного, иди спать, — едва не вывихнув челюсть в зевке, посоветовал я.

— Не хочу.

— А тебе не кажется, что приличной девушке не полагается появляться на людях в ночной рубашке? — не удержалась хтарка от укола.

— Не кажется, ведь Ван мой брат, а тебя здесь вообще нет, — лениво отмахнулась Тяня и плюхнулась в свободное кресло. Ее слова имели под собой основание — ведь Таня действительно получила статус виконтессы и фамилию Гвиери.

— Да, с «приличной» это я преувеличила, — буркнула в ответ Яна.

Поняв, что в моем обществе здесь никто не нуждается, я пожелал всем спокойной ночи и отправился спать.

Следующие два дня не принесли никаких новостей как из придворной жизни, так и на фронте тайной борьбы с дари. Появилась даже мысль навестить свое графство, в котором я так ни разу и не побывал с тех пор, когда оно было еще баронством. Но, увы, эта мысль улетела так же быстро, как и прилетела: с моим везением я едва успею отъехать лишь на два дня пути от столицы — тут же начнется очередная неприятность. Так что пришлось остаться в столице, и именно скука заставила меня пойти на очередной раут к баронессе Динати. Лучше бы сидел дома и не отлынивал от занятий по фехтованию с Шипом и Змеем.

Дом баронессы вновь встретил меня мелодией кронайского трабо. В салоне было довольнолюдно, но в центре зала танцевали лишь три пары — один из сатарских дворян, смутно знакомый мне по раутам у баронессы, и два капитана, которые усердно пытались заставить неуклюжих имперских дворянок изобразить хоть что-нибудь чувственное. В неуклюжести партнерш не было ничего странного — мода на трабо только начала захватывать умы имперского высшего света.

Заметив баронессу в компании молодых людей, я направился к ней, но едва не споткнулся, когда увидел, кто является центром еще одной тусовки. Маркиза Селкер поймала мой взгляд и злорадно улыбнулась. Закрыв лицо веером, она наклонилась к молодому человеку, чьи одежда и замашки выдавали в нем жителя герцогства Забадар. Кроме того что там правила очень приятная герцогская чета, эта земля рождала прекрасных фехтовальщиков, и, судя по всему, мне выпало «счастье» лицезреть местного д'Артаньяна. Вот только посетивший столицу пылкий юноша пропустил встречу с троицей потенциальных друзей, заодно и с прекрасной фрейлиной королевы, зато он попал прямоком в лапки местной коллеги Миледи.

Да что ж ей все неймется-то!

Резко менять направление движения я не рискнул, потому что вдруг нахмурившийся после слов маркизы парень направился в мою сторону.

Положение спасла баронесса — она быстро поняла, что происходит, и как гончая рванула мне навстречу.

— Мой дорогой Ван! — Баронессе пришлось практически прыгать мне на шею, чтобы успеть раньше бретера.

Несмотря на возраст, парень выглядел серьезно. Несколько шрамов на его лице говорили о солидном опыте схваток, а то, что он до сих пор ходит на своих двоих, подсказывало, что эти схватки он выигрывал, отделавшись лишь легкими ранениями. Загорелая рука уверенно сжимала потертую рукоять забадарского меча, который был чуть массивнее и шире кронайской шпаги, но значительно уже, чем традиционные мечи северных имперцев.

Меня посетила неприятная мысль, что я веду себя как последний трус, и тут случилось то, за что я женщин люблю и ненавижу одновременно, — именно они сталкивают лбами восторженных идиотов, и они же способны вытащить мужчину из самого дурацкого положения. Кора посмотрела мне в глаза, и ее взгляд оправдывал любой мой поступок только потому, что именно она считала его правильным.

Баронесса, не переставая щебетать, увлекла меня на балкон, а бретер растерянно смотрел на наши спины. Если бы он был постарше, так легко мы бы не отделались.

Возможно, эти слова покажутся отговоркой, но в данной ситуации я спасал от опасности нас обоих. Во-первых, честной дуэли он не дожидется, я, как и в прошлый раз, выберу главным оружием парные короткие клинки, но опыт противника не позволит мне просто ранить его. Моя первая и, как я надеюсь, последняя дуэль в столице закончилась смертью достаточно неплохого парня, который в будущем обещал стать прекрасным капитаном. Без привычной сатарской широкой и массивной шпаги шансов у него не было, но и я не смог обойтись первой кровью — обезумевший от романтических чувств юнец сам напоролся на «младшего брата» из облегченной одарийской пары.

Ясные и такие удивленные глаза этого почти ребенка еще снятся мне по ночам. Из тех, кого я убил в бою, никто меня не беспокоил, а вот погибший по глупости паренек навещается регулярно. Получив удар в грудь, он посмотрел на меня с непониманием и обидой — как же так, ведь он защищал честь дамы?.. И то, что эта дама является моей любовницей, а оскорбление — всего лишь простым скандалом двух влюбленных, ему в голову просто не пришло. Взгляд незадачливого дуэлянта погас медленно, как огонь на опустевшей лампаде. Увы, целители оказались бессильны — удар прошел между ребрами и разрезал сердце едва ли не напополам. Магия целителей могла срastить самые страшные раны, они даже проводили полостные опе-

рации и поддерживали организм раненого энергетическими вливаниями. Сердце — тоже мышца, но очень уязвимая...

Твою ж мать — прошлое вновь стегнуло мозг кровавой картинкой, а следом пришла злость.

Тогда мальчишка умер из-за собственной глупости даже без вмешательства Лары, а сегодняшнего «героя» сознательно подталкивали в спину.

Кора погладила меня по плечу и ткнулась в него носом. Она прекрасно понимала, что происходит, потому что была свидетелем той давешней дуэли.

— Я выгоню ее, — решительно сказала баронесса.

— Не нужно наживать себе врагов. Продолжай жить своей жизнью, и все будет хорошо.

Увы, мы оба недооценили решительности маркизы. Ведущая на балкон дверь открылась, и в проеме показалась голова юного бретера.

— Граф, куда же вы...

Договорить ему не дали, и вся заготовленная издевка пропала втуне.

— Юноша, — баронесса выразительно осмотрела одежду забадарца в поисках баронского герба, но, естественно, не нашла, потому что парень, как и тот же д'Артаньян, стоял на низшей ступени дворянского сословия и титула не имел. — Вас матушка не учила, что врываться в покои к женщине — это позор даже для мужланов, не говоря уже о дворянине?

Бретер застыл на месте и вдруг покраснел.

Да что же он такой стеснительный, неужели мало общался с женщинами? Впрочем, забадарским дворянкам далеко до откровенности вдов сатарских капитанов, в чьих жилах еще плещется кровь пиратов.

Все, шах и мат. Так могут только истинные леди — одной фразой и движением брови сбить спесь даже с самого уверенного в себе мужчины. Изящность момента испортила сама же баронесса — все же сатарские, и тем более кронайские, корни в ней были сильнее дворянского воспитания.

— Ну что ты на меня смотришь, сопляк? Пошел вон, и чтобы в моем доме я тебя больше не видела!

Буквально резанув меня яростным взглядом, бретер исчез из виду.

Что ж, эта проблема всего лишь откладывается, и мне придется ходить по городу, оглядываясь по сторонам. Причем беспокоиться нужно о том, чтобы «ящеры» не зарезали этого горячего парня у всех на глазах. Так что нужно искать нестандартное решение. И кое-какие мысли по этому поводу у меня уже появились.

Мужскую натуру переделывать трудно — даже понимая всю подоплеку происходящего, мне было неловко за то, что я отсиделся за спиной хрупкой женщины, так что наше общение с баронессой затянулось ненадолго и я покинул уютный дом раньше обычного. К этому

времени ни маркизы с почитателями, ни бретера в главном зале уже не было.

Проинструктиввав Шипа насчет бретера, я отправился домой, где убил несколько часов времени за игрой в шахматы с Таней. С моей названной сестрой тоже было не все просто — она с нетерпением ждала выхода в высший свет, но после земных развлечений даже имперские балы показались ей скучными, особенно после того как схлынуло очарование первого впечатления.

Шип явился ближе к полуночи, и мы с ним отправились на небольшую конную прогулку по дворянскому кварталу. Наш путь вел к недорогому пансиону для офицеров гвардии и мелких дворян, которые не могли позволить себе дорогих гостиниц, но при этом считали ниже своего достоинства жить в Низовье или на купеческом холме.

На улице было безлюдно. В отличие от Низовья, жители дворянского квартала предпочитали проводить свободное время в помещениях, а по улицам передвигаться исключительно в каретах.

В этот раз я обошелся «малым выходом» и для решения возникшей проблемы привлек лишь пятерку «ящеров».

Небольшой коридорчик и лесенка привели меня к двери в стандартные для таких заведений апартаменты. В подобных местах было не принято лезть в чужие дела, поэтому нас никто не остановил.

Шип, Сом и Змей ждали меня в комнате, а вот Барсука не было видно — скорее всего, он стоял на стреме. После случая с иглометом бывший «медведь» вообще старался не попадаться мне на глаза, насколько это было возможно для телохранителя.

В компании «ящеров» юный бретер вел себя намного увереннее, чем на светском рауте, несмотря на то что был прикручен к стулу и «снабжен» кляпом. Это был плюстик в моем отношении к нему.

По моему приказу Шип не стал подвешивать пленника вверх ногами и тем более раздевать — мне нужна была возможность просто донести до парня свои слова: что-то в его глазах все же зацепило меня за живое. Возможно, я вспомнил историю Лована, лишившегося очень многого, включая возможности говорить, точно в такой же ситуации.

Я взял стул и присел напротив сверкающего глазами забадарца.

— Еще раз привет, знакомиться не будем — это ни к чему. Мне наплевать на то, о чем ты думал, желая наделать во мне дырок. Не знаю, что говорил тебе отец, отправляя в столицу, возможно, это было классическое мушкетерское: «Дерись, сынок, где можно, и тем более дерись там, где нельзя».

Судя по реакции, отец забадарца был умнее старого гасконца.

— Мой отец говорил мне другое. Рисковать жизнью стоит, лишь защищая свою страну, друзей и свою семью. — А вот теперь реакция пленника была другой — похоже, папашка бретера не раз бодался на границе с толпами морхов. Возможно, он даже был на поле боя, где

моя душа покинула тело императора. — Мой юный друг, нельзя защитить то, чего нет, — я говорю о чести маркизы. Если лезть в драку за женщину, у которой было больше одного мужичины, сначала нужно как минимум стать одним из этих самых счастливицков, каким бы ни был твой порядковый номер. Думаю, эту цифру тебе скажет любой при дворе императрицы.

Парень задумался, и это было неплохо. Встав со стула, я дошел до двери и все же решил добавить кое-что к вышесказанному:

— В следующий раз лучше возьми деньги за мою смерть — так хоть ни тебе, ни мне не будет обидно, когда «ящеры» порежут тебя на куски.

Все, что хотел, я сказал, и если у парня есть мозги, он сделает правильные выводы.

Случай с маркизой и бретером словно прорвал дамбу событий, и моя жизнь стала значительно «веселее», причем настолько, что я сразу начал тосковать по прежнему безделью.

Буквально на следующее утро пришло уведомление из дворца о том, что граф Ван Гвиери приглашен на ежемесячный императорский бал. Последние шесть балов обошли меня стороной, что, честно говоря, радовало — непонятно чего можно ожидать от подобной милости.

Еще один сюрприз принес Шип практически за час до бала, когда допущенная к телу графа служанка заканчивала наряжать меня в дорожный черный камзол с серебряным шитьем и розовыми алмазами на висюльках.

— Командир, на меня вышел человек от Спрута. От него ушел Два Удара с частью банды. По слухам, они опять связались с дари. Старик не хочет неприятностей, поэтому сдал всех скопом.

— Поднимай всех, — вздохнул я и начал обратный ритуал по снятию камзола. Хихикнувшая служанка раздевала меня намного активнее, чем одевала.

На заднем дворе моего дворца, который служил точкой сбора для боевых выходов, уже находились все «ящеры» и «попугаи». Похоже, Шип поднял всех сразу по прибытии, не сомневаясь в моем решении. Великосветская канитель образовала во мне изрядный заряд злости, который нужно было выплеснуть, потому вниз я спустился во всеоружии — в черной чешуе с россыпью артефактов от Ургена и с шестиствольным иглометом в руках. «Младший брат» из более массивной пары, доставшейся мне от мечника-дари, висел за спиной, а «старший» был приторочен к седлу Черныша. На той злополучной дуэли я использовал пару, доставшуюся мне от мечника-одари. Имеющие половину человеческой крови мутанты были значительно мельче чистокровного дари, поэтому я мог работать обоими мечами одновременно. Реальный бой — это не дуэль, так что там было не до «понтов». Массивный и короткий клинок великолепно подходил

для близкого пешего боя, а его более длинный «брат» использовался в конной рубке.

В этот раз наш путь вел за пределы города, и Лован сразу поехал впереди, чтобы без задержек провести отряд через ворота, закрывавшиеся с последними лучами солнца.

Целью похода было небольшое дворянское поместье в полудне езды от городских стен. Обветшавший замок окружал шикарный сад. Скорее всего, подобный контраст возник из-за того, что хозяева замка были вынуждены сдать землю в долгосрочную аренду хорошему хозяйственнику.

Штурмовать шестиметровые стены было глупо, тем более что нас уже заметили, поэтому мы оставили лошадей под фруктовыми деревьями и пестрой толпой побежали к воротам.

По броне пару раз ударило стрелами, но без малейшего вреда для защищенных «чешуей» тел.

Действующий ловко и уверенно Еж налепил на ворота несколько «лепестков пламени» и быстро развернулся.

— Бойся! — Тонкий мальчишеский голос срывался от волнения.

«Ящеры» последовали примеру артефактора, а вот кронайцы просто прикрыли глаза, в очередной раз подтверждая, что мозгов у них было меньше, чем смелости.

За моей спиной полыхнуло красным, и тут же раздался рык абордажников, дружно навалившихся на полотно ворот. «Украшенные» новой оплавленной дырой створки со скрипом открылись, и мы гурьбой ввалились в небольшой дворик замка. Навстречу выскочили противники. Единственное, что я успел рассмотреть, — все они были людьми.

Зазвенели клинки, и эхо ругани на разных языках заматалось между каменными стенами.

Благодаря «чешуе» я избавился от плотной опеки «ящеров» и с каким-то нездоровым упоением нырнул в гущу схватки, буквально ввинчиваясь в ряды противника. Первого рубанул тяжелым клинком «младшего» поперек лица, затем, продолжая разворот, ударил его соседа коротким шипом на локтевом щитке левой руки, а уже после этого повторил удар на развороте тому, кто стоял в задних рядах обороняющихся.

Противники закончились едва ли не мгновенно. Кронайцы начали оглядываться в поисках нового врага, а вот «ящеры» без лишней суеты устремились к двери донжона. В отличие от ворот, эта преграда не требовала применения магии и была вынесена двойным ударом тяжелых туш Сомы и Грифона. Следом в помещение влетел Шип, а уже за ним я.

На лестнице впередиидущие «ящеры» не оставили мне никаких шансов поработать мечом, впрочем, я уже остыл и в драку не лез.

Традиционный каминный зал имперских замков встретил нас довольно колоритной компанией: десятком городских бандитов и дюжиной моих старых знакомцев — дарийских рабов-людей в клоунских нарядах. С бродячими цирками я разобрался еще полгода назад, но дари почему-то решили не обновлять гардероба своих рабов и оставили все как есть.

— Иглометы!

Выполняя команду и подражая мне, бойцы вскинули шестиствольники. Тихое стаккато щелчков поделило количество боеспособных врагов на десять — на ногах остались только трое, причем остальные корчились на полу с ранениями разной тяжести, и это говорило не о плохой подготовке стрелков, а о необходимости получения информации. Некроманты в этом мире не водились.

Из уцелевшей троицы Шип опознал только одного.

— Командир, тот, что посередине, — Два Удара, — прогудел из-под шлема бывший убийца.

Помня разговор в таверне, я повернулся к вбежавшим в зал кронайцам:

— Карн, ты хотел пообщаться с тем, кого зовут Два Удара. Не передумал?

— Да ни в жизнь, — воскликнул кронаец, снимая шлем и демонстрируя миру свои шикарные бакенбарды. Мне даже почудились благодарные нотки в его голосе.

На шлеме кронаец не остановился — алая накидка перекочевала в руки одного из моряков, а следом за ней и верхняя часть «чешуи». Спорить я не стал — уже то, что эти сорвиголовы согласились носить броню, было достижением, и перегибать в этом вопросе не стоило.

— Иди сюда, урод. — Карн сделал призывное движение абордажной саблей.

Три бандита попытались шагнуть вперед единым фронтом, но два крайних тут же получили в ноги по арбалетному болту и рухнули на пол. Два Удара обреченно посмотрел на подельников и с диким криком кинулся на кронайца. Все закончилось за секунду. Карн отбил удар короткого меча, пнул бандита ногой в живот, а затем, как-то скособочившись, отпрыгнул назад и тут же качнулся вперед. Все эти странные телодвижения были следствием проявления той же пресловутой кронайской «рисовки». Было неудобно, но благодаря этому финту Карн нанес именно такие раны, какие обещал. Не очень удобная для колющих ударов сабля коротко ткнула успешного распрямиться бандита под сердце, прошивая кожаный колет. Затем последовал шаг вперед и удар эфесом сабли в челюсть начавшего сгибаться Два Удара. Когда откинувшаяся назад голова открыла горло, Карн с тихим выдохом перерубил горло соперника практически до позвоночника, тем самым оставив на теле бандита его же подпись — два удара.

Увы, и этот объект оказался пустышкой. Допросы выживших показали, что на бандитов вышел один из старших рабов дари и заплатил им за перевозку вещей своих господ. Сами дари исчезли в неведомом направлении. Попытки рабов ничего нового не дали.

В моей голове начала складываться неприятная картина — нелюди бежали из империи, причем не под давлением моих атак, а по необъяснимым причинам.

Версия о том, что жители Темного Леса сдались и решили оставить людей в покое, отпадала сразу. Так что же тогда происходит на самом деле?

Было над чем подумать, но время поджимало — бал в императорском дворце уже начался, и стоило поспешить. Лишиться должности фаворита императрицы — это одно, а вот выказать пренебрежение своему сюзерену на глазах всего двора — это совсем другое.

Обратная дорога, душ и переодевание заняли еще час, так что в малый тронный зал я вошел на два часа позже указанного в приглашении срока. Глашатай у двери уже набрал в легкие воздух, но, увидев мой кулак, быстро сдулся — это говорило о том, что у него не было приказа выставлять меня на посмешище, а самостоятельно привлечь общее внимание к опоздавшему гостю он не рискнул.

Бал уже набрал обороты, что было и плохо и хорошо. За опоздание мне, конечно, влетит, но, по крайней мере, официальная часть закончилась и не пришлось идти к трону через пустое пространство между двумя толпами народу. Придворная свора уже всюду развлекалась — кто-то танцевал, кто-то общался в группках по интересам, а кто-то пристроился к фуршетным столам, на которых была навалена гора изысканных деликатесов. Придворным поварам пришлось постараться, потому что накормить толпу в тысячу ртов еще та задача.

Где-то здесь выгуливала своих ухажеров Яна, а в совершенно другом конце зала в сопровождении дуэньи бродила Таня. Вхождение землянки в высший свет грозило быть кошмарным — ведь в таком возрасте из дома можно было выходить только в сопровождении родственников, а я в этом был слабой подмогой. К счастью, Кора посоветовала мне одну вдову моряка, с которой Таня быстро нашла общий язык. Не удивлюсь, если они сейчас издевались над очередным беднягой, вгоняя его в шок своими манерами.

Лавируя между группками беседующих компаний и танцующих пар, я медленно продвигался в сторону трона. Сейчас моей главной задачей было засветиться перед Ларой и тихонько исчезнуть, если мне, конечно, позволят.

Не позволили.

Лара нашлась возле особого императорского столика с закусками, в окружении ближней свиты.

Вся компашка в сборе: сама императрица, ее ближайшая подруга баронесса Имма Кродори, канцлер империи Сарас Кольно и моя ми-

лая Кора Динати. В ненавязчивом оцеплении вокруг стояла сатарская морская гвардия во главе с капитаном Джайме Аратом, который был единственным, кто знал подноготную нашей с Ларой ссоры. А как же по-другому, ведь он командовал ее личной охраной.

Когда мы с Ларой неожиданно для всего двора оказались в одной постели, капитан готов был разорвать меня голыми руками, а вот после разрыва он как-то вдруг встал на мою сторону. Вот и сейчас, увидев меня, Джайме ободряюще улыбнулся и продолжил напряженно вглядываться в толпу.

Еще несколько шагов — и мне удалось заставить себя посмотреть на Лару. Я стремился к ней так долго. Мечтал оказаться хотя бы рядом. Когда нас что-то буквально толкнуло друг к другу, казалось, счастье свершилось, но, увы, все сказки неспроста заканчиваются общей и в принципе ничего не говорящей фразой «они жили долго и счастливо». Иванушка-дурачок и Василиса Прекрасная, принц и Золушка, красавица и чудовище. Их история наверняка имела продолжение, и в этом продолжении вылезла вся разность характеров и воспитания, умноженная на то, что вместе их свел очень экстремальный случай, когда все воспринимается совершенно по-другому. Как бы это странно ни звучало, самый правдоподобно-счастливый конец был у истории Ромео и Джульетты. Они так и не узнали, как способны развести влюбленных тихие шепотки друзей, родных и близких, которые, несомненно, «любят и желают только самого лучшего». Нет, я верю в счастливый конец любовных историй, но не тогда, когда Она — императрица огромного государства, а Он — ее вассал.

Наши взгляды столкнулись, и на секунду в них промелькнуло тепло, но затем все рассыпалось от звука наполненного ядом голоса.

— Неужели очень занятый граф все же снизошел до нашего общества!

Кронвиконт Тульче Бадари — нынешний фаворит моей Лары. Не скажу, что он вызывает омерзение: хорошо сложенное тело упаковано в работу лучших модельеров столицы, причем без всяких там колгот, а лицо хоть и было немного смазливym, все же имело мужскую привлекательность. Можно было придраться к яду в его словах, но, судя по всему, Лара задавалась теми же вопросами. Так что пришлось подходить и вступать в разговор.

Ох, чувствую, добром все это не закончится.

Кора испуганно посмотрела на меня, тоже чувствуя неладное.

— Ваше величество, — поклонился я Ларе на сатарский манер, что выглядело не так раболепно, как имперские поклоны.

Лара кивнула, но так и не произнесла ни слова, давая возможность высказаться Тульче.

— Развейте нашу скуку, граф, и расскажите, что вас так задержало? Наверное, схватка со сказочными нелюдями из Темного Леса.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕРЕСЕЛЕНЕЦ	7
ДИВЕРСАНТ	293
ДЕМОНОЛОГ	543